

Юрий Гаврюченков

ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ. ЗОЛОТО ШАМАНОВ

Черный следопыт

Юрий Гаврюченков

Золото шаманов

«Крылов»

2007

Гаврюченков Ю. Ф.

Золото шаманов / Ю. Ф. Гаврюченков — «Крылов»,
2007 — (Черный следопыт)

Черному следопыту Илье Потехину неизменно сопутствует удача. Случайно найденная берестяная грамота приводит к потаенному капищу древних новгородских язычников, на котором спрятан котел с серебряными монетами. Однако заговоренный клад и неистовое цыганское проклятие заставляют героя бежать из города. Он отправляется в глухую тайгу на поиски легендарного золота эвенкских шаманов. Отважного авантюриста не может остановить ни вмешательство злых потусторонних сил, ни специальный отряд быстрого реагирования, направленный в лагерный край с секретным заданием.

© Гаврюченков Ю. Ф., 2007

© Крылов, 2007

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	15
3	39
Часть 2	47
4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юрий Гаврюченков

Золото шаманов

Часть 1

Трискелион

1

О, как же я нынче встрял!

Сидя на дне импровизированного окопа, я проклинал древнеславянскую утварь и свою любовь к ней. Чёрт меня дёрнул лезть на Лукинское городище копать, причём не на продажу, а для себя! Казалось бы, Ивановская область – глушь глушью, но и тут от конкурентов отбоя нет, причём отбиваться приходится отнюдь не лопатой, а оружием посерьёзнее.

Ясное дело, что не одного меня манили эти неисследованные государственными археологами места, буквально напичканные превосходно сохранившимися предметами старины. В чём я теперь имел несчастье лишний раз убедиться.

Находящийся в трёхстах километрах за Москвой Мугреевский лес представляет собой лакомый кусок для разного рода изыскателей, начиная от туристов-романтиков и реконструкторов-неоязычников, заканчивая кладоискателями вроде меня, которых гонит в чашу чисто коммерческий интерес. Добытую копанину мы кладём в карман, не дожидаясь официальных исследований, на проведение которых у государства давно не хватает средств. Стенания же сотрудников краеведческих музеев игнорируем. Мы, славяне, за долгие века стали почти все друг другу родственниками, поэтому и наследство у нас общее. А уж как его делить, зависит от ловкости и умения до одного добраться. «Чёрные археологи» живут по классическому римскому принципу: опоздавшему – кости. Завещать, кому, чего и сколько причитается, наши исторические предки забыли, поэтому мы кроим лежащее в земле ценности, пуская в ход любые средства убеждения, чем не особенно отличаемся от своих дальних родичей – диких золотоискателей.

Лукинское городище, названное в честь расположенной неподалёку деревеньки Лукино, мимо которой я проскочил по просёлку, подняв протекторами своей новенькой полноприводной «Нивы» тучу пыли, было крупным населённым пунктом даже в масштабах нашей эпохи. С первого по девятый века жили там обильно населяющие окрестные леса финно-угорские племена муромы и мери, да и скандинавы вниманием не обходили. Поэтому за девятьсот лет предметов обихода сохранилось в культурном слое видимо-невидимо, что и сделало эту площадку притягательной для любителей старины. Находили здесь и норвежские мечи, и славянские погребальные урны, и ценнейшие украшения из благородных металлов в «счастливых» могильниках. Горшки с серебряными монетами тоже находили. Словом, надо было копать и копать, чем я целое лето и занимался, едва просохли дороги от весенних грунтовых вод. Для меня начался рабочий сезон.

Впрочем, не жажда наживы гнала меня на нелегальные раскопки, а поисковый азарт, не дающий покоя с детства. Денег как раз хватало. Разжившись сокровищами исмаилитов, я получил долгожданную возможность заниматься археологией для собственного удовольствия, не заботясь о хлебе насущном и вообще ни о чём не заботясь... «Самое сильное желание человека – обретение священной свободы жить, не нуждаясь в труде».

Через лес к правому берегу Луха вели поросшие молодой травкой не очень накатанные колеи. Последнее обстоятельство вдохновляло: меньше народа – больше кислорода. Никто не любит конкурентов. Лично я бы предпочёл никого на раскопках не видеть, только этим сей археологический Клондайк меня порадовать не мог.

Когда я выехал на площадку, по береговой террасе городища равномерно распределились уже три машины, причём последняя тачка, дряхлый 469-й УАЗ, притулилась у моего раскопа, а в траншее шурудила лопатами пара старателей.

Да какого рожна!

Избранное мною место являлось весьма перспективным. Фишеровский металлодетектор показал наличие в земле немалого количества железа, наверное, там дом стоял. Теперь мои уники сгребают какие-то мародёры. Это было оскорбительно! И даже не так самого участка было жаль, как вложенного в него труда. Чтобы дорыться до культурного слоя, отмахав помимо целевой две поперечные траншеи, наломаться пришлось ого-го! А теперь два нахала беспардонно просеивают *мой* грунт. Богатый ценными включениями. Грабёж среди бела дня!

Мириться с такой наглостью я не был намерен. Вжав в пол педаль газа, я подлетел к рывдану, нашаривая в перчаточном ящике револьвер. Парочка в канаве испуганно вскинула голову. Я выскочил, вне себя от ярости. Сейчас разберёмся!

– Стоять-бояться! – рявкнул я.

Конкуренты торопливо выбирались из ямы. Один был постарше, другой совсем юноша, вероятно, отец и сын. Их пейзажные рожи имели немало общего, в том числе, и выражение испуга. Преемственность поколений, вашу мать! Не иначе как из соседней деревни приехали на заработки, прослышав, что в лесу копают. Оба были «чайниками». Народ поопытнее не сунулся бы на чужой участок, тем более, что я сигнальную лопату оставил: мол, ищут здесь. Ну, на худой конец, выбрали бы канаву рядом. Так нет! – увидели свежую, грамотно разрытую, решили, что умный человек знает, где лучше копать. Ну, мы сами с усами, тоже не лаптем щи хлебаем. В общем, сунулись придурки, не подозревая, что в таких местах даже яма имеет своего хозяина. И хозяин будет отстаивать свои права.

– Руки в гору! Кто такие, сколько лет?!

– Ты чё тут раскомандовался? – угрюмо спросил старший.

– Слышь, ты, чёрт, закатай вату! Хрена ты лазаешь по чужим ямам?

– Ты бы полегче, – буркнул отец семейства.

– Пасть закрой, полудурок! Необъятное хлебало, что ли, отрастил чужое на халяву хапать? – поинтересовался я. Значительное огневое превосходство позволяло вести переговоры в любом удобном мне тоне.

Наученный горьким опытом, я за сумасшедшие деньги обзавёлся волейной огромной убойной мощи и без неё на раскопки не ездил. Револьвер У-94С «Удар», сконструированный по заказу МВД, имел калибр 12,3 мм. В дуло можно было засунуть палец. Попадание мощной пули в любую часть тела вырубало сразу – оружие создавалось для штурмовых отрядов. С такой спецтехникой в руке я был спокоен. Особенно перед безоружной деревенщиной.

Крестьяне побрели к машине, а я с гордостью огляделся по сторонам, дабы оценить, какое впечатление моя вылазка произвела на соседей. Публика прервала работу и с интересом наблюдала, чем закончатся наши разборки.

– Брось оружие!

Команду выплюнул щербатый хавальник отца. Его осмелевший сынок направлял на меня обрез со стволами немислимого диаметра. Я застыл, держа «Удар» в опущенной руке, ни единым движением не провоцируя придурка на выстрел. Папаша двинулся ко мне.

– А ну, брось!

Я стоял у края раскопа, продавливая ногой рыхлый бугор отвала, за которым начиналась траншея. Глубокая, широкая, я сам её рыл. «Вот ведь уроды моральные, – думал я, – добрались

до машины, чтобы достать обрез, да показать, кто у них на селе первый парень. Знаю, ты, идиот.» Мужик приблизился ко мне, закрыв корпусом стволы, и я прыгнул на дно.

Оглушительный грохот двенадцатого калибра ударил по ушам. Дробь смела с отвалов грунт, комочки земли посыпались мне за шиворот. Заразы, совсем озверели: живого человека просто так убивать!

Я наугад выставил куцее дуло «Удара» и нажал на спуск. В руку сильно толкнуло. Чудовищная пушка заряжалась укороченными ружейными гильзами тридцать второго охотничьего калибра, и пороховой заряд у неё был соответствующий. Такой ответ противника должен был напугать. По крайней мере, по мне больше не шмаляли и я, сев на корточки, приготовился замочить первого, кто заглянет в канаву. Сам высовываться не спешил: обрез был двухзарядным, а выстрел я слышал только один. На милость противника также уповать не стоило. Они же уроды деревенские: только выгляни, сразу полбашки картечью снесут. Или чем у них патроны заряжены. Может, какой-нибудь «удочкой» для охоты на уток: нанизывают картечь на струну и укладывают в гильзу. Такая, если хоть краем заденет, сразу вся обматывается, как боло, только в сто раз меньше, тяжелее и летит со скоростью звука. Соответственно, и повреждения серьёзные. Башку снесёт – не фиг делать. А у пейзажа ума хватит, им ведь в деревнях заняться нечем, вот и мастерят всякую дрянь. Или гвоздей накромят...

Так я нагнетал атмосферу страха, ёжась в траншее, готовый превратиться в могилу. Для археолога может быть и почётно упокоиться в раскопе, но умирать сейчас казалось слегка преждевременным делом. Я напрягал слух, но от пальбы барабанные перепонки стали невосприимчивы к мелким шумам. А что, если сзади заходят?! С ужасом поозиравшись, я ничего подозрительного не заметил. Никаких теней, как если бы кто-то попытался зайти против солнца, которое светило мне в спину. Неприятно было бы увидеть направляемый на тебя ствол обреза, чтобы в следующий момент огненная вспышка навсегда погасила глаза. Отчего же так тихо? Ни голосов не слышно, ни шагов. Выжидают? Залегли, выцеливая края ямы, чтобы не израсходовать впустую оставшийся патрон. Интересно, он у них последний? Так или иначе, надо заставить мелкого полудурка выстрелить и, пока он будет перезаряжать, завалить проклятых крестьян. «Удар» пятизарядный, в барабане ещё четыре патрона, так что я могу себе позволить роскошь пару раз промахнуться. Впрочем, с револьвером охотничьего калибра я по любому не пропаду. Полуоболочечной экспансивной пуле всё равно, куда попадать: ногу или руку оторвёт к чёртовой бабушке, а в теле расплывётся в лепёшку и в таком виде пойдёт дальше, оставляя за собой расширяющийся конус пустого отверстия, постепенно заполняемого фаршем. В любом случае, человека вырубит сразу и наверняка.

Приободрённый такими размышлениями, я двинулся гусиным шагом в боковой проход траншеи и осторожно выглянул из-за бруствера.

Сладкая парочка пряталась за УАЗом. Ага, поближе к родной скотинке, значит. Сработал крестьянский инстинкт. Меня пейзажи не угладили – смотреть в сторону солнца было несподручно. Юниор притаился за капотом, положив на него дробовик, а папашка затихарился за кормой, надёжно прикрыв грудь запасным колесом. Да вот только ноги и голова у него остались открытыми. В кулаке, торчащим из-за шины, зеленел кругляш ручной гранаты; семейка подготовилась к делу на совесть. Отбивать атаки врага собирались до последнего дыхания, не отдавая ни пяди непросеянной от ценных инородных включений земли подлому захватчику, сиречь, мне. Вот скоты. Ведь кинет же, шкурой чую, кинет! И, не желая дальше испытывать судьбу, я тщательно выцелил борт УАЗа и нажал на спусковой крючок.

Мне повезло, я удачно попал в заднюю стойку. Мягкая пуля автомобильное железо не прошибла, зато ударную силу сохранила полностью. Машинушибануло словно кувалдой. Этого хватило, чтобы сбить с ног бомбиста и как следует толкнуть отпрыска, на секунду заставив позабыть про обрез.

Я прыгнул наружу, почувствовал ступнями мягкую землю и рванулся навстречу папаше, который от пинка взбрыкнувшего железного коня потерял эргэдэшку. К тому же, я старался опередить его дебильного сына. Убивать эту деревенщину не хотелось, но и обезопаситься самому было надо.

– Ложись, ложись!!! – истошно заорал я, дёргая поднимающегося отца, а сам садясь на корточки, заслоняясь его туловом и выставяя руку с револьвером из-за головы заложника. – Ложись, пацан, лицом вниз, ложись, а то угроблю, твою душу мать! – Парнишка, не заслоняемый теперь ничем, был как на ладони и я целил ему в брюшину, моля Бога, чтобы этот дурак не выстрелил. – Ложись, я сказал!

Пронзительный вопль, видно, здорово давил мужику на уши, потому что он покорно застыл и не двигался, да и сынок его замер, наставив на нас беспонтовый дробовик. Я постарался спрятаться за широкой спиной пейзаина, но всё же не ощущал себя в безопасности. Как-никак, разброс у обреза приличный. Из этой хуерги можно стрелять не целясь – хоть одной дробинкой да попадётся, а словить в себя свинцовый шарик величиной с горошину мне никак не хотелось. Словом, момент был патовый.

– Брось оружие! – гаркнул я.

Парнишка наконец выронил свою гаубицу. Вот что значит семейный приказ! С каждым человеком надо говорить на его языке.

– Тихо, – сказал я, – спокойно, – теперь мне надо было успокоить обоих крестьян. – Ты в армии служил? – спросил я отца.

– Служил, – кивнул тот, проглотив слюну.

Теперь понятно, откуда уставные команды.

– Вот и я служил, – соврал я. Юниор ошеломлённо прислушивался к звукам человеческой речи. Похоже, в его голове начали крутиться какие-то колёсики, потому что он покорно улёгся лицом вниз. Его родитель также не помышлял о попытке саботажа или диверсии. – Ты меня будешь слушаться?

– Буду, – покорно согласился мужик.

– Если я тебя отпущу, ты не станешь рыпаться?

– Не-а...

– Так лучше, – я спрятал револьвер в карман куртки, поднялся и собрал оружие.

Пока мы валандались подле траншеи, зрителей на береговой террасе поубавилось. У дальнего раскопа ещё тусовались какие-то пофигисты, а ближняя компания отвалила. Ну и правильно, я бы тоже дёрнул подальше, пока шальная пуля не залетела. Вот она какая, профессия кладоискателя. Из-за участков теперь стреляются. Жестокий мир, смутные времена. Конечно, дебилизм полнейший, что сейчас произошло. Один копатель едва не ухлопал другого. Хватаются за волены почём зря. Что за жизнь!

Я изучил трофеи. РГД-5 была почти новой. Наверняка у вояк купили, собираясь на серьёзное дело. Граната мне понравилась и я засунул её в карман.

– Нам долго так лежать? – подал голос старшой семейного подряда.

– А чего тебе не лежит? – борзость папаша меня возмутила. – Может, лучше мёртвому в могиле? – Я разозлился. Мало того, что заняли чужой раскоп и вдобавок хозяина едва не угрожали, так ещё и бухтит! – Не нравится на травке, так я тебя сейчас быстро зарюю. Живём в яму положу и землёй закидаю. Нет проблем!

Мужик поутих, но потом снова зашевелился:

– Нам бы уехать поскорей. Мы не вернёмся.

– Ха, уехать не так просто, дружок, – усмехнулся я. – Мне вот всё в голову не приходит, как бы вас наказать, чтобы компенсировать моральный ущерб.

– А чего ты с пушкой на нас полез? – пробурчал недовольный пейзаин. – Мы же тебя не трогали.

– А какого, спрашивается... рожна заняли мой участок, не видели, что яма чужая? Лопату я зачем воткнул?

– Мы ж не знали, что твоя. На ней не написано.

Я вздохнул и глянул в сторону Луха, нёсшего свои воды невядалеке под обрывом. Что за дураки, прости Господи! Прострелить, может быть, спорщику поясницу в назидание? Аж в руках засвербило, но потом передумал. На мокрое как-то не тянуло. Я считаю, что насилия надо по возможности избегать. От пролитой крови потом не отмоешься. «Не убивай, и тебя никто не убьёт.»

Я вскинул обрез и нажал на оба курка разом. Руку кинуло влево и вверх, из левого ствола стегнуло длиннущее пламя, а я на мгновение оглох. Лупила деревенская пушка как надо!

Семейство чайников прижалось к земле ни живо, ни мертво. Их железной лошадке основательно не повезло. Порция рассеявшейся картечи вынесла в машине все стёкла и срезала спинки сидений, вмиг принявшие обгрызенный вид. Облако белого дыма окружало этот плачевный пейзаж. Со стороны казалось, будто здесь лютовали партизаны.

* * *

Можно притвориться умным, можно притвориться добрым, но нельзя притвориться интеллигентным. Случившееся доказало справедливость этого утверждения целиком и полностью. Вспоминая неприятный инцидент, обкатывая и обсасывая его в мозгах, я всё больше мрачнел. Битва при Лукинском городище, невзирая на победу, нравилась мне всё меньше и меньше. Как обезьяны, ей богу! «Вся шелуха цивилизации слетела с него в один момент». С меня, то есть. С шумом и криками изгнавший посягнувшего на мою территорию соперника, я напоминал самому себе вонючего скандального павиана с жёлтыми клыками и голой красной задницей. Человеческое естество не меняется со времён сотворения мира, а мне всё же хотелось быть другим. Я старался таким казаться – вежливым и воспитанным. Но в критической ситуации хорошие манеры испарялись, а наружу лезло совсем иное: дикарская агрессия, низводящая меня к уровню узколобого мохнатого предка. Вот и сейчас это повторилось. Почему же нельзя было мирно разойтись, без стрельбы?

Я поднимал напольный настил древнего жилья и ругал себя последними словами за атавистические ужимки в Мугреевском лесу.

Сюда, в Новгородскую область, я приехал четыре часа назад. И сразу взялся за работу. Возня с лопатой помогала отвлечься от грустных мыслей по поводу временной потери человеческого облика. С городища я отвалил почти вслед за горе-копателями, спровадив их раздолбанную машину с глаз долой. «С глаз долой – из сердца вон.» Но последнего не получилось. Душу терзали смутные сомнения. Во-первых, компания, дёрнувшая с площадки при первых же выстрелах, наводила на мысль о причастности к краеведческому музею. Такие орлы вполне могли сгонять за милицией. Во-вторых, ночевать на городище претило из-за опасения, что крестьяне, которых мамка дома заругает, вернутся под покровом ночи и сотворят мне поганку. Например, обольют палатку бензином и подожгут. Подумал я, подумал, да и ретировался от греха подальше. Не домой, конечно (зря что ли в такую даль пёрся!), но поближе к дому. Имелось на примете никому не известное селище XI–XV веков в районе Старой Руссы. Моя, так сказать, археологическая «вотчина». А поскольку ценными находками это место не изобиловало, возиться с ним мог только энтузиаст-бессребренник вроде меня, да и то когда случались приступы поискового зуда. Однако приехал я не зря.

Когда-то, много веков назад, стояло под Старой Руссой множество деревень. Многие сохранились поныне, а иные, знававшие Руссу ещё не Старой¹, были сожжены либо порушены,

¹ Название «Старая Русса» появилось после основания Новой Руссы в XVI веке.

вследствие чего вымерли, заболотились и поросли лесом, в чаще которого я сейчас находился. С точки зрения же археолога, я рылся посреди большого посёлка, причём, судя по размеру настила, на месте дома зажиточного крестьянина. В сырой земле дерево сохранилось настолько хорошо, что выкорчёвывать древние бруски оказалось занятием нелёгким, и поселение, для стороннего наблюдателя давно сгинувшее, представлялось мне вполне реальным и материально ощутимым.

Искал я предметы, всегда встречающиеся в пятнах культурного слоя – кресала, пуговицы, ножи, прочую мелочёвку, могущую стать наградой за нелёгкую работу. Металлодетектора я на сей раз не взял и мог только надеяться (впрочем, безосновательно, как в дни ранней молодости!), что сейчас под лопатой хряпнет глиняный горшок, из которого побегут струйкой потемневшие от времени серебряные монеты. Должно же мне было сvezти. Ведь сегодня было 23 мая, день апостола Симона Зелота, покровителя кладоискателей, наш, профессиональный праздник!

Впрочем, деньги как символ материальной ценности не были моей целью. Копал я ради научного интереса. Да и от моральных терзаний тяжёлый труд отвлекал превосходно. Вот я и корячился, рога расчехлив. Убрав древесину, подтянул поближе таз и уже хотел начать просеивать землю, как вдруг заметил вдавленное в грунт инородное включение в форме широкой полосы. Оно лежало под бревном и было ему как минимум полтысячелетия. Я опустил на корточки и пальцами осторожно разрыхлил почву вокруг своей находки. Предмет оказался берёзовой корой, плотно скрученной в свиток. В сгущающихся сумерках я извлёк из земли толстый, малость сплюснутый с боков цилиндр и внимательно осмотрел его.

Бересту, которую в этих краях испокон веков подкладывали под нижние венцы во избежание гнили, я уже встречал на этом раскопе. Берёзовая кора – материал к распаду устойчивый, и найденные мною обрывки оставались вполне плотными. Но они и были – обрывками, расплюснутыми листами. Этот же свиток имел явно не строительное назначение. И я догадывался, какое.

Это в двадцатом веке большевики считали своим достижением повальный ликбез – ликвидацию безграмотности крестьян. Но задолго до них, в двенадцатом веке, новгородцы уже решили эту проблему. Читать и писать в этих краях умели почти все, а не только представители духовенства и купечества. Разве что самый тупой ловец, из леса или с реки не вылезавший и по лености ума отказывающийся учиться, не мог разобрать буквы. Однако подобные ребята и поныне встречаются, так что безграмотность никаким коммунизмом не истребишь.

Береста же была здесь самым расхожим материалом, благо, леса вокруг хватало. Пергамент – материал дорогой, вот население и пользовалось корой, процарапывая буквы похожим на шило писалом – насаженной на ручку железной иглой либо острой тетеревиной костью, между прочим, весьма подходящим инструментом. Из бересты делали книги, обрезаая куски коры по единому размеру. Особо ценные вшивали в железный переплёт с тяжёлыми чеканными крышками, снабжёнными застёжками, чтобы береста не сворачивалась в трубочку. В книгах буквы прописывались чернилами из дубовых орешков или сажи с молоком, а на иллюстрации шла иногда недешёвая киноварь. Надо заметить, такие книги были у новгородцев в ходу. Развлекательную литературу любили и давние времена. Имелись и свои бестселлеры: фэнтези про Потыку, ухватившего Змея Горыныча за хобот и вынимающего гада из поганой норы, боевик о том, как добрый молодец татарскую рать разогнал, всяческие сказы о Китоврасе, Бове-королевиче, наказании попа Балдой и прочие интимности. Люди за сотни лет не сильно изменились.

Чтива было много, но на Руси им растапливали печи. Поэтому сейчас находка берестяного свитка – событие. Однако же мне повезло. Я отряхнул трубку от земли и бережно упаковал в полиэтиленовый мешок, чтобы не рассохлась раньше времени и не потрескалась. Кора

хорошо сохраняется в условиях постоянной влажности, которые было необходимо ей обеспечить. Разворачивать свиток буду дома. Теперь появился повод туда спешить.

Через пятнадцать минут я уже заводил мотор. К счастью, палатку я не ставил, поэтому возиться со сборами не пришлось. Покидав в багажник инструмент и посуду, я сел за руль и включил фары. Сумерки сразу превратились в непроглядную темень. Да и пусть их! Дорогу я знал достаточно хорошо, чтобы не тыкаться с выездом из леса.

Мне не терпелось вернуться домой. Очень хотелось заняться свитком. Судя по его величине – это самая большая из когда-либо найденных новгородских берестяных грамот. Интересно, сколько она может стоить?

Я постарался припомнить любителя подобных уников среди своих знакомых, но не сумел. И тут же усмехнулся, поймав себя на корыстных думках. Вот что значит кладоискатель: сразу стал прикидывать, кому продать. Да зачем мне теперь это нужно? Денег у меня хватает, могу позволить себе самостоятельное изучение находок. Как обрабатывать бересту я, в принципе, знаю, на истфаке учили. Разверну и попытаюсь прочесть. Это благородное дело должно скрасить досуг археолога-интеллектуала. Даже если этот археолог – чёрный.

* * *

«Се азъ Онкифъ Посникъ пишу рукописание при своемъ животе. В лето 6953 на Прокла прииха в Сосню люди Юреве и осудареве, азъ в томъ селе осподинъ бы. Наехавъ розбоемъ на Памфиловъ дворъ, на сына ево на Иванка, животъ розграбили на 20 рублевъ. Во Стехновомъ дворе наимити голову отрубили, а и кхъ бе взвесте нетъ, а животъ взяле. У Мартыне дворъ розграбили, да и людей перебили, перекололи, Ондриеву житницу и дворъ розграбили, а взяли на 60 рублевъ. Тако немочно жить».

«Взя есме котълъ и 350 рублевъ тамо влож до и на капище зарывъ, идеже бе кумиры камены Перунъ, Хърсъ, Дажбогъ, Волосъ, Сварогъ и Сварожичъ, Симарглъ, Стрибогъ и Макошь, во круге томъ, и жьрети имъ приносъ. Аже не будътъ остатка детеи моихъ, никому не можно котълъ имати, бе бо стрещи кумиры сокровенно, а тому татю чарование творяху. Азъ жерцомъ бы».

Грамота, к моему удовольствию, оказалась действительно большой. Состояла она из двух длинных кусков бересты, распарив которые, я осторожно развернул и зажал под стеклом письменного стола. Сфотографировав начерки, я принялся за расшифровку с оригинала. Понять текст оказался не так уж сложно. Новгородская орфография середины пятнадцатого века особых затруднений не вызвала, и вскоре я сумел разбить сплошные строчки на отдельные слова, большинство которых оказались знакомы.

Селище, которое я раскапывал, было когда-то деревней Сосня. Произошедшая в ней трагедия послужила причиной составления старостой Онкифом Посником завещания своим детям о крупной сумме, укрытой им на капище языческих богов, поклонником коих он оставался, несмотря на пять веков активно насаждаемого христианства.

Впрочем, язычники на Руси сохранились по сей день. Вывести эту заразу не удаётся никаким «огнём и мечом». Как и во всём мире. В Японии синто, в Индии – индуизм, а у нас культ природных стихий. Каменные болваны, которых Онкиф с таким тщанием перечислил, являлись образами очень древних божеств. Одно то, что они были вырублены из камня, свидетельствовало, насколько рано было основано упомянутое святилище. Новгородским землям более пристало иметь деревянных идолов. Они и были там распространены в эпоху расцвета

троянского культа – вплоть до десятого века, когда дружинники княгини Ольги под корень вырубили нехристей. Однако, полностью уничтожить никакую религию невозможно. Ликвидация отдельных адептов, будь то пожираемый римским львом христианин или сожжённый на костре из деревянных истуканов волхв, только укрепит веру остальных, которые фанатично передадут её своим детям. Что и происходило в языческой деревеньке Сосня, где староста был по совместительству главным жрецом. Между прочим, соснинское капище было из крупных, судя по количеству упомянутых кумиров. Не исключено, что их туда свозили на хранение. Однако поселение вырезали вовсе не по религиозным мотивам. На основе прочитанного даже мои скромные познания позволяли предположить, что поводом явились поборы в пользу какого-нибудь присланного из Москвы крупного должностного лица. Середина пятнадцатого века вообще была чёрной для новгородцев, а датировка моей грамоты точно соответствовала 1445 году. В те времена летоисчисление велось от сотворения мира, чтобы приравнять даты к нашему календарю, требовалось вычесть 5508 из 6953.

Приведя текст в удобочитаемый вид, я занялся изучением спецлитературы по этому периоду. В Новгородской Первой летописи по 6953 году я нашёл следующее: «Того же лета приеха в Новъгород с Москвы князь Юрьи Лугвеньевич, и новгородцы даша ему корьмлине, по волости хлеб, а пригородов не даша». Вот, значит, князь и кормился в меру своих способностей к дипломатии, взимая дань методами, не сильно отличающимися от действий современной налоговой полиции.

Этой версии как нельзя более соответствовала датировка завещания. Проклов день – 12 июля. По условиям dokonчаний взыскание податей княжескими людьми допускалось только после Петрова дня, то есть 29 июня. Следовательно, творившийся в Сосне грабёж был узаконен, а уж лес рубят – щепки летят.

И тут я с горечью подумал, что такая пословица могла родиться только на Руси.

В том же двенадцатом томе «Полного собрания русских летописей» обнаружилось подтверждение: «А в то время не бе в Новегороде правде и праваго суда, и вьсташа ябетници, изнарядиша чety и обеты и целования на неправду, и начаша грабити по селам и по волостем и по городу; и беахом в поруганье суседом нашим, сущим окрест нас; и бе по волости изъежа велика и боры частыя, криц и рыдание и вопль и клятва всими людьми на старейшины наша и град наш, зане не бе в нас милости и суда права». Прямо как сейчас. Также и правительство ругают. Разница лишь в том, что окончательный срок подачи декларации о доходах сдвинулся малость назад – до первого апреля, на день дураков. Я, кстати, в бытность обязательной подачи деклараций от физических лиц, этот священный долг похерил. Декларировать мне было нечего, да и кормить незнакомых людей на собственные деньги претило. Я даже ИНН не получил. На работе не числюсь, налогов не плачу и могу лишь предполагать, какая участь меня ожидает: вызовут в налоговую инспекцию раз, другой, а там и отстанут. Либо по чьему-то навету вломятся в квартиру налоговые опера. Тогда история с Сосней повторится.

Я помотал головой, разгоняя тоскливые думки, и ошалело уставился на часы. Ух ты, ничего себе! Всё-таки процесс изучения древней рукописи – штука затягивающая. И утомительная, между прочим. Читать с оригинала оказалось непросто. Дукт был неровный, штрихи неразборчивые. Дело в том, что берёзовая кора имеет продольные прожилки, а царапать на них неудобно. Онкиф Посник старался пропускать их, процарапывал с меньшим нажимом, отчего строка была плохо заметна даже через лупу. От увеличительного стекла в глазах появилась резь, да и башка заболела. Я решил сделать передышку.

За окном была глубокая ночь. Кабинет в результате лихорадочной деятельности напоминал лабораторию доктора Фауста, где вот-вот должен был появиться чёрт. Я вылез из кресла и побрёл на кухню. Разумнее всего было бы сразу лечь спать. Маринка так и сделала. Ждать меня не стала, знала, что это надолго. Но присоединиться к ней я не спешил. Захотелось испить кофею. Люблю крепкий кофе в любое время суток и даже столь поздний час не помеха! На

кухне я достал джезvu, высыпал из кофемолки что там оставалось, прогрел, залил кипятком и поставил на огонь.

Всё-таки здорово мне сегодня повезло, думал я, стоя у плиты. И дело тут даже не в вещах, а в ощущениях. В один день найдя и прочтя древний свиток, я почувствовал сопричастность к событиям пятисотлетней давности. Будто это письмо было адресовано мне.

Кофе закипел. Я перелил его в чашку и отпил обжигающим. Жар его опалил моё небо и я даже не сразу почувствовал горечь, а когда почувствовал, немедленно захотел есть. Пришлось залезть в холодильник. Отрезал сыра, хлеба и приготовил увесистый бутерброд. Присел к столу и сделал ещё глоток. Кофе прогнал сон, и я вдруг понял, что береста была посланием кладоискателю от кладообразователя. Диссидентствующий Посник, не надеясь на авось, предпочёл зарыть деньги, чтобы они не достались государственным чиновникам. Даже детям не сказал, кабы не случилось чего. Княжеская администрация творила произвол, выжимая из простого люда дополнительные средства в казну, не брезгуя доносами платных осведомителей и нарушениями закона, а в случае неуплаты проявляя насильственные действия. Одним наездом, надо полагать, новгородские мытари не удовлетворились. Во всяком случае, воспользоваться деньгами Онкифу не довелось, иначе грамота была бы из тайника изъята. Наследники тоже до неё не добрались. То ли не нашли, то ли... и не искали: когда-то же деревня Сосня перестала существовать. Возможно, это случилось в роковые сороковые и поселение для окрестных жителей на краткий период переименовалось в Горелово или Резаны, пока совсем не забылось. Правда, следов сажи на месте построек я не обнаружил. Это позволяло предполагать, что дома разрушились естественным образом. Ну, не Горелово, так Попадалово, одним словом. Для непокорного Стехнова с Мартыном вместе – уж точно. Наехала древняя налоговая полиция на них крепко. Затоптала конями и порубила саблями.

Я долил в чашку остаток из джезвы. К тому времени голова окончательно прояснилась и меня осенила догадка, что сам Онкиф Посник с этой прожарки благополучно соскочил. Его-то сотрудники отдела физической защиты князя Юрия Лугвеньевича не тронули, иначе он не преминул бы об этом сообщить в первых строках рукописания. Должно быть, подати на 12 июля он уплатил. Даже в заглавнике осталось маленькое состояние – триста пятьдесят рублей по тем временам сумма нешуточная. Кстати, по нашим тоже. Новгородский рубль той эпохи являл собой слиток серебра весом в 171 грамм. 350 рублей – это почти шестьдесят килограммов благородного металла, которые лежат и ждут нового владельца.

И во всём мире только я один знаю о котле со старинными деньгами, зарытом на древнем капище!

Кофе взбодрил меня. Идея показалась неожиданно заманчивой. Дело в том, что я смекнул, где находится капище. И проверить это можно запросто, взяв с собой металлоискатель.

Заветная поляна должна была располагаться вблизи деревни. Вряд ли сосненские ходили далеко молиться. Да и четыре с лишком пуда через лес куда-то к чёрту на рога не попрёшь, легче уж тогда под полом зарыть в своей избе. Да и по логике, жрец должен жить рядом со своей кумирней. Религия-то ведь – дело житейское.

Что ж, съездим. Отправляться можно хоть сейчас: походное снаряжение в машине – садись и в путь!

Сон как рукой сняло. Верно говорил Гёте: «Лучшее, что нам даёт История – это возбуждаемый ею энтузиазм». Я бы поехал, но на завтра имелись планы, которые обязательно нужно было осуществить. Я уже договорился со Славой, что возьму партию золота на продажу, и с Гольдбергом, которому «рыжее» толкну. Сделка намечалась тысяч на двадцать. У нас с корифаном заканчивалась наличка. То есть буквально – вся. За зиму мы спустили по сто тысяч евро каждый, придурки! Правда, Слава купил квартиру, а я новую машину, но всё равно борщанули с затратами. Жрать же требовалось каждый день. Да и жена привыкла жить в достатке, ни в чём себе не отказывая. Она успела забыть слово «работа».

Я вымыл чашку и погасил на кухне свет.

2

В квартире Давида Яковлевича царил девятнадцатый век. Мебель, драпри, даже паркет были невероятно старинными. Торговля раритетами была родовым промыслом Гольдбергов. Шутка ли, ещё прапрадедушка занимался этим бизнесом! И хотя в нынешние шестикомнатные хоромы Давид Яковлевич вселился лишь год назад, аромат благородной затхлости, выпускаемый антикварным хламом, успел пропитать стены. Обстановка квартиры излучала надёжность и комфорт, кои оценить по достоинству мог лишь человек, умеющий ими пользоваться.

Я удобно устроился в мягком кресле периода барокко, попивая натуральный йеменский кофеёк, приготовленный Донной Марковной. Такие чудесные зёрна мокко мог добыть только состоятельный человек, держащий своего личного сомелье и знающий толк в деликатесах. Расплывшийся в кресле напротив меня Давид Яковлевич старался богатство не афишировать, живя в своё удовольствие, тихо, но очень роскошно.

С торговцем антиком Гольдбергом я сошёлся незадолго перед посадкой, когда вместе с покойным ныне Лёшей Есиковым отыскал в отопительном воздуховоде под полом заброшенной псковской церквушки великолепный наперсный крест, золотые складни с камнями, лампы и всяческое храмовое имущество. Крест и один складень ушли Давиду Яковлевичу за вполне приличную цену, а я с подачи Есикова вскоре отъехал в учреждение на Арсенальной набережной – размышлять о несовершенстве человеческой натуры. Подставивший меня подельник получил год условно, а я оказался в заточении, где и подружился со Славой-афганцем. Прошлым летом он тоже освободился и здорово помог мне в разборках с сектой исмаилитов, окопавшейся в Санкт-Петербурге. Маленькую криминальную войну мы выиграли и разжились у противника золотишком, которое теперь успешно продавали Гольдбергу. А он своей выгоды не упускал. Умение извлекать прибыль из любой затеи было у него наследственным, и сейчас, когда он завёл беседу о прелестях моей работы, я лихорадочно гадал, к какому предложению она сведётся. В том, что разговор о кладоискательстве затеян не впустую, сомнений не оставалось.

– Раскопки – это своего рода спорт, – разглагольствовал я на любимую тему. – Это азарт, это щекочущее чувство прикосновения к тайне, которое обычно исчезает вместе с детством, но в поиске его можно ощутить вновь.

– А когда вы собираетесь посвятить себя научной работе? – поинтересовался Гольдберг, изучая меня хитрыми глазами-щёлочками, затаившимися за круглыми стёклами очков.

– Вы имеете в виду керамику считать? – не без иронии спросил я. – Нескоро, наверное.

– А вам интереснее полевая работа? – в голосе Давида Яковлевича зазвучали мечтательные нотки. – Это должно быть очень занимательно – откапывать разные древности.

– То, в чём нет загадочности, лишено очарования, как сказал Анатолий Франс.

Блеснув эрудицией, я вновь пригубил великолепнейший кофе. Гольдберг улыбнулся.

– Удача вас любит, – констатировал он. – Я в первый раз встречаю столь увлечённого своим делом авантюриста, которому так сказочно везёт.

Тем самым он, вероятно, намекал на мои прошлогодние разборки с арабами. Да, я везунчик. Что есть, то есть.

– Счастье сопутствует смелым, – заявил я. – Бог помогает тому, кто помогает себе сам. Глазки Гольдберга хитро блеснули.

– Вам, Илья Игоревич, никогда не хотелось повторить путь знаменитых археологов?

Я поставил чашечку на блюдце. Фарфор звякнул о фарфор.

– Это что, предложение?

– Об этом пока рано говорить, – мягко осадил торговец древностями. – Так как насчёт повторения пути?

– Я очень люблю Шлимана, – признался я.

– Наблюдая за вами, – поделился своими соображениями Давид Яковлевич, – я пришёл к выводу, что вам можно доверять. В той степени, чтобы организовать совместное дело.

– В какой мере оно соответствует моим занятиям?

Пора было прояснить ситуацию. Поставки для антикварных лавок или сортировка старой рухляди меня не устраивала. Даже зная, что такие патриархи археологии как Говард Картер и Гастон Масперо большую часть жизни провели в запасниках, я не собирался осквернять руки камеральной обработкой. Мой удел – активный поиск.

– В полной мере, – успокоил Гольдберг. Пухлые губы на его толстощёком лице растянулись в отеческую улыбку.

Следовательно, не в магазинчике дело. Я даже поморщился. Не ожидал такого финта от Давида Яковлевича. А я-то считал его человеком неглупым. Сейчас предложит клад поискать, причём, карта у него наверняка имеется, а достоверность сведений он, конечно, гарантирует. И отправимся мы в поход... Нет уж, к чёрту. Устраивать псевдоисторическое сафари для «новых русских», выступая в роли гида, мне претит. Даже если этот «новый русский» на самом деле – средних лет еврей.

– Мне кажется, вы не готовы, – проницательно заметил Давид Яковлевич.

Несвойственная ему прямота меня насторожила. Портить отношения с Гольдбергом не входило в мои планы. Кто его знает, вдруг отказ его обидит. Я постарался прояснить ситуацию, мобилизовав все свои способности к дипломатии:

– Если я вас правильно понял, Давид Яковлевич, вы хотите предложить некий проект, напрямую связанный с поиском сокровищ, так?

– Ну, так, – кивнул Гольдберг.

Исчерпав запасы деликатности, я без обиняков заявил:

– Будем деловыми людьми. Кладоискательство – нерациональный и утомительный спорт. Заниматься им можно только себе в убыток. Отыскать что-то, даже зная, где оно лежит, почти невозможно. Даже если ваша информация получена из самых надёжных рук. А те схемы, что продаются в магазинах туристических товаров, вообще ниже всякой критики. Это игры для детей. Крайне завлекательные планы, распространяемые в любительской среде, хороши досужим чайникам. Сокровищ по ним не найдёшь, но рыться для своего удовольствия в живописных местах можно будет сколько душе угодно. Как вы догадываетесь, всё вышеперечисленное меня не интересует.

– Я понимаю, – отвечив Гольдберг, с достоинством выслушав мою отповедь. – Я и не собирался отвлекать вас по пустякам. Эта карта – наша семейная реликвия. Она была составлена в шестьдесят восьмом году моим дядей. Он был геологом. Он утонул.

* * *

От Гольдберга я сразу поехал к Славе, пребывая в полном смятении. Обилие впечатлений, полученных за последние сутки, изрядно тяготило. Что-то слишком много заманчивых планов развелось. Онкиф этот Посник пятисотлетней давности, Давид Яковлевич, наш современник... Затею он, между прочим, изложил достаточно грамотно и даже половину расходов согласился взять на себя. Разумеется, обсуждение таких планов – дело не одного дня, поэтому сегодня мы ограничились общими вопросами. Я сказал, что должен посоветоваться с компаньоном и как следует всё обдумать. Гольдберг же сообщил, что с его стороны в экспедицию будет отряжён наблюдатель – сам он оставить бизнес не может. Карту тоже не показал, чтобы не искушать меня заняться самостоятельными раскопками. Как будто схему так легко запомнить! Отложили до следующей встречи, которая должна была состояться через неделю.

Прямо от Гольдберга я пустился в загул. Золото продал, деньги получил, в чём, собственно и состояла цель моего визита, теперь душа горела их потратить. По пути я остановился у магазина и купил водки. К Славе неудобно заваливаться без пузыря. Жена у него слишком частых возлияний не привечала, а он всю зиму томился в безделье, каждую встречу со мной воспринимая как подарок судьбы.

Я не ошибся, ждали меня действительно с распростёртыми объятиями. Стол в большой комнате был накрыт с грубоватой простотой, присущей воякам – Ксения несколько лет служила в афганском госпитале, а теперь работала операционной медсестрой в Военно-медицинской академии. Причём, по собственной воле. Киснуть от скуки она не любила.

– Здорово! – осклабился корефан, сверкнув ослепительной жёлтой улыбкой. Все тридцать два зуба были закованы в золотую броню. Тут Слава, безусловно, прогнулся. Выглядело это вульгарно, но впечатляюще.

– Привет-привет, – я постарался стиснуть лопатообразную клешню друга, но бывший офицер ВДВ не почувствовал моих усилий.

– Проходи, – с воодушевлением мотнул он подбородком в сторону стола, на котором красовался литровый снаряд матового стекла, – счас жажнем!

Натюрморт нагонял тоску. По опыту наших посиделок я знал, что выпивается всё, имеющееся в доме. Сегодня присутствовали два литра водки на троих. Не то, чтобы много, но мне предстояло ехать домой. Утешало лишь то обстоятельство, что новая Славина квартира располагалась не так далеко от моего жилья. Пока мои руки способны держать баранку, домой я как-нибудь доползу. В крайнем случае, останусь ночевать.

– Как съездил? – Слава скрутил пробку.

– Намёк понял, – я кинул на скатерть пачку баксов. – Вот твой червонец. Между прочим, побеседовали о забавных вещах.

– Ну, тогда твоё здоровье, – Слава поднял рюмку, – и твоё, – повернулся он к жене, – золотко.

Водка пилаась легко, даже закусывать её не хотелось. Наконец-то корефан научился выбирать качественные спиртные напитки. Впрочем, он уже не пользовался дешёвыми ларьками. Деньги отлетали у него как семечки.

– Так вот, поговорили мы сегодня, – продолжил я. – Закидывал удочки господин Гольдберг на тему клад поискать. Ты как на это смотришь?

– А чего, – пожал плечами Слава, – давай поищем.

«Вот уж кто от скуки на все руки», – подумал я. Славе было всё равно, что клады искать, что глотки резать. В голове у него был сплошной Кандагар.

– Между первой и второй перерывчик небольшой, – напомнил он, разливая по рюмкам. Выпив, смачно закусил свининкой и облизнулся.

– А ты, Илья, всё копаешь? – нарушила молчание Ксения.

– Куда ж я денусь, – водка расслабила и развеселила. – Копаю, конечно. Вчера редкостную фичу нашёл. Можно сказать, уник. Вчера вообще был день приколов...

Пока я рассказывал о лукинских похождениях, друзья слушали, затаив дыхание. Слава даже жевать перестал. Археология с моей подачи представлялась им крайне увлекательной наукой. Ксения, впрочем, смотрела на всё скептически. Приключениями она была сыта по горло. Корефан же, напротив, воодушевился. Выйдя из денег, он утратил великий стимул, заставляющий волка быть поджарым и сильным. Для него, никогда не стремившегося к наукам и искусству, смыслом жизни мог быть только поиск хлеба насущного, но именно этого он и оказался лишён. Волчара должен быть голодным. Слава же был сыт и успел застояться. Он жаждал развлечений.

– Здорово! – воскликнул он, когда я закончил историю о пейзажах, возжелавших заняться раскопками. – Так их, козлов! Только надо было валить, зря ты цацкался.

Друг не тяготился проблемами морали.

– Да ну, – поморщился я. – Зачем умножать сущности более необходимых? Что бы дала их смерть: кровь, проблемы и никакой личной выгоды. К тому же, свидетелей было много.

– Ну, и их тоже...

– Ага, урежь осетра.

– Чего?

– Анекдот такой есть. В ресторане два «новых русских» хвастаются. Один рассказывает: «Поехали мы с пацанами на рыбалку. Я удочку закинул, вдруг как потянуло! Тащу, ни в какую. Ну, тут ребята набежали, вместе еле выволокли. Представляешь, осётр на двести килограммов!» Второй возражает: «Не бывает таких. Я читал, они только до центнера вырастают, да и как ты его на удочке вытащишь? Так что урежь осетра.» Тот ему: «Двести килограммов, в натуре, отвечаю! Не веришь, давай стрелу забьём, пацаны приедут, разберёмся». Второй понял, что спорить бесполезно, и про своё начинает: «Я недавно на охоте был. Взял „Моссберг“, помповушку, знаешь мою, которая наповал бьёт. Иду, вижу – лось. Я ему в лобешник – ба-бах! Он с копыт. Вдруг смотрю – егерь. Ну, сейчас за браконьерство почикает. Я его тоже – хлобысь! Завалил. Слышу, в кустах кто-то. Раздвигаю ветки, а там парень с девушкой. Интим, короче. Я их – бах-бах, не оставляя же свидетелей. Потом думаю, откуда они взялись? За кусты заглянул, а там на поляне палатки стоят. Туристический лагерь. И все меня видели. А мне уже терять нечего, я их всех пятерых и положил. Оглядываюсь, а на пригорке „Икарус“ стоит, сто пятьдесят человек! Слушай, братан, урежь осетра, а то я их сейчас грохну.»

– Ну, – ухмыльнулся друган, – так то барыги треплются, у них базар беспонтовый. Они, если отвечают, то деньгами. А у тебя натуральная война получилась. Я бы шамальнул этих колхозников, чё на них смотреть.

– Всех не перестреляешь, – я налил лимонада. – Дело выеденного яйца не стоит. Подумаешь, раскопщики из-за участка передрались. Зачем мусоров напрягать?

Небрежно опущенный мною стакан опрокинулся и залил газировкой пачку новеньких купюр. Я матюгнулся и подхватил посудину.

– Пардон, деньги испачкались, – огорчился я.

Ксения тщательно обтёрла пресс долларов, на который давно уже пялила глаза, и убрала его подальше.

– Деньги не пахнут, – примирительно заявил Слава, – даже мокрые.

– Ксюш, присоединяйся, – поспешил я наполнить рюмки.

– Нет уж, пас, – отрезала Ксения. – Я пропускаю.

– Твоё дело, – корефан поднял рюмку и без всякого тоста опрокинул её в глотку.

Я последовал его примеру и над столом повисла тишина, нарушаемая только чавканьем и хрустом перемалываемых золотыми клыками хрящей. Слава жрал как хлебоуборочный комбайн на тучных нивах в разгар жатвы. Наблюдать за ним было умильно и радостно для сердца.

– Ты-то что поделяваешь? – спросил я.

– Чего поделяваю? – цыкнул золотым зубом Слава. – Хочешь анекдот расскажу?

– Валяй, раз пошла такая пьянка...

– Значит, утро такое раннее, часов шесть, в постели парочка валяется, курит, отдыхает после бессонной ночи. Она ему лениво так предлагает: «Слушай, может поженимся?» Он глобокомысленно отвечает: «А кому мы на хрен нужны?»

– М-да, – изрёк я. Анекдот вообще-то был грустный. Бессознательное у друга чётко в нём проявилось. Лишённая смысла жизнь была пуста, а потому печальна. Ребёнка бы им, что ли, завести. Хоть бы скучать не давал. Впрочем, представляю, что из него вырастет с такими родителями.

Возникла тоскливая пауза.

– Я вчера при раскопках берестяную грамоту нашёл, – кому-то надо было оздоровить моральный климат в этом доме и я принялся распинаться о жизни средневековых новгородцев.

– Чё за грамота?

– Кора такая с письменами. Берестяная.

– Берестяная?

– В смысле, кусок берёзовой коры, на котором процарапывали буквы таким... э-э, типа, гвоздём.

– А смысл? – ещё пуще удивился Слава.

– Примерно... знаешь, как ты маляву по зоне отписываешь, так и древние новгородцы друг другу грамоты скребли.

– Они чё, сидели?

«Тяжёлый случай безграмотности», – подумал я. С водки голова несколько отупела, однако я поспешил отдалиться от скользкой темы пенитенциарной эпистоляции:

– Нет, письма писали.

– Бумаги не было?

– Увы, бумага в те времена на Руси ещё не появилась.

– Не изобрели? – уточнил Слава, сочувствуя отсталым русичам.

– Вроде того. В Европе-то бумага получила распространение лишь в тринадцатом веке, а здесь – на двести лет позже.

– А на чём же тогда это самое? – Слава изобразил щепотью несколько волнистых линий.

– Скоропись гусиным пером освоили и того позже, а до этого буквы процарапывали, – я натужно провёл жменёй по столу, показывая, как трудно приходилось предкам. – Вот эту бересту я и откопал. Причём, сдаётся мне, самую большую из всех найденных ранее, чем совершил историческое открытие первой величины. Подобных находок не так уж и много. Кстати о находках... Есть шанс обогатить науку и обогатиться самим. Поедем за гольдберговским голдом?

– Поехали, – не долго думая согласился Слава, выцеживая из пузыря последние капли. Голова его была занята более насущными вещами. – Ильюха, где там была твоя бутылка?

Усидели мы её уже к ночи. Когда я, пошатываясь, наконец направился к выходу, осмительная Ксения предложила остаться ночевать, благо, комнат хватало.

– Да ну, брось ты, – заплетающимся языком промолвил я, силясь обратить лицо точно в сторону хозяйки, что оказалось не так-то просто. – Я же на машине поеду, а не пешком побреду.

– Вот это и пугает, – сказала Ксения.

– Оставайся, – поддержал её Слава. – Счас стоняем ещё за одной, а Марише позвоним. Скажешь, что ты у нас тормознулся.

– Нет, тогда лучше ехать, – одумалась Ксения. – Только давай такси вызовем.

– Да ну, в самом деле... – заупрямился я. Не люблю, когда за меня решают.

– Или вместе выйдем тачку остановить.

Идея отправиться вдвоём с Ксенией ловить машину на пустую холодную улицу показалась чрезвычайно заманчивой. Я постоял, держась за стену и пытаюсь поймать ногой ускользающий тувель, сварганил было положительный ответ, как вдруг перед мысленным взором возник новенький «кольт 1911», которым недавно обзавёлся Слава, и я передумал.

– Так что, идём?

– Да ну, Ксюша, господь с тобой, – в порыве нежности я потянулся было обнять её за плечи, но маячившая позади корефанова харя мигом напомнила так некстати вылетевшую из головы десятую заповедь и я торопливо отвёл руку назад. – Я сам нормально доеду. В конце концов, жать на педали и переключать скорость даже легче, чем разговаривать. Это такие, в сущности, простые движения...

– Зато скорость реакции у тебя снизилась... – начала Ксения, но Слава похлопал её по плечу.

– Пускай едет, – примирительно сказал он. – Всё путём будет.

Я кое-как оделся, попрощался и побрёл по лестнице. Лифт я по неведомым причинам проигнорировал. «Успею ещё наездиться», – утешился я. Спотыкаясь и судорожно цепляясь за перила, я через некоторое время оказался внизу, где быстро нашёл «Ниву». К счастью, она была припаркована прямо у парадного. За это дальновидное решение я громко поаплодировал себе, предусмотрительному.

Выпятив от важности губы, я долго тыкал ключами в замок зажигания, пока не уронил их на пол. Посидел, осмысливая случившееся, и лениво полез искать. Связка завалилась за педаль. Чтобы достать её, пришлось скрючиться в три погибели. Наконец, отдуваясь, я выпрямился и очень удачно с первого раза всунул нужный ключ в гнездо.

«Нет, так дальше нельзя», – решил я, собрав остатки разума. Включив в салоне свет, пролез между спинками на заднее сиденье искать аптечку. Среди мешков с походным снаряжением выцепил коробку с красным крестом, достал пузырёк с нашатырным спиртом и сделал глубокий вдох.

– А-ах! – выкрикнул я.

Нос до самого мозга пронзило чем-то холодным и острым, вроде замёрзшего до температуры абсолютного нуля штык-ножа. В голове наступила потрясающая ясность, но ненадолго. Процедуру пришлось повторить. Наконец, аммиачные пары произвели отрезвляющее воздействие и я, ошарашено дыша через рот, убрал флакон с адским зельем в аптечку.

– Ну, вот теперь поехали, – я погасил плафон, прогрел двигатель, включил фары и вырулил на дорогу.

Гражданский проспект в этот поздний час жил своей бурной жизнью. У ларьков кучковались подгулявшие люди, просто синьоры, а также бомжи. В поисках пассажиров сновали частники на таратайках и без труда находили клиентов. Даже светофор работал. Я пунктуально остановился на перекрёстке, самую малость задев краем бампера впереди стоящую красную «семёрку». Пустяки, случается. Однако же, дверца сразу открылась, но тут зажёгся зелёный свет и я, памятуя, что мне надо без приключений добраться домой, сдал назад, объехал препятствие, свернул на проспект Просвещения и погнал в сторону Светлановского. «Жигуль» очень быстро возник слева от меня, обошёл и круто подрезал. Водитель, вероятно, хотел выяснить отношения, но зато я не стремился. Пришлось вильнуть в сторону и обогнать, царапнув нахала вдоль левого борта. Не пошёл бы ты в пень, дружок! Мне домой надо.

Дружок, однако, в пень не пошёл. За рулём сидел какой-то чудила, которому требовались сатисфакции. Я же, честно говоря, испугался. Ситуация выходила из-под контроля и неизвестно было, чем закончится. Не хватало ещё привлечь внимание ментов, которых много рыщет по ночному городу. «Семёрка» снова подрезала меня и, вдобавок, притормозила. Я разозлился, вцепился покрепче в руль и врезался в многострадальный бампер. Толчок бросил меня на баранку, зубы противно лязгнули. «Жигулёнок» отпрыгнул метра на полтора, моментально вспыхнули стоп-сигналы. Я дал по тискам, скинув рукоять на нейтраль. «Нива» встала как вкопанная. Я с ненавистью смотрел на «семёру». Посмотрим, что ты теперь захочешь.

Из машины выскочил рослый парень в кожаной куртке с кучерявым меховым воротником. Волос на голове пацана было куда меньше. Бакланий прикид гармонично дополняли тёмные слаксы и пегая рубашонка с круглым воротом. Бандит, наверное. Ну тогда и поговорим по бандитски. Я выдернул из бардачка вольну и вылез ему навстречу.

– Ты, козёл, что творишь?! – заорал потерпевший.

Он ринулся ко мне. Когда расстояние между нами сократилось до минимума, я резко вскинул револьвер, чиркнув противника по кончику носа. От неожиданности он отпрянул, а затем вдруг расслабился, вероятно, приняв «Удар» за газовик.

– Вот за это ты дополнительно в рог получишь, – на полном серьёзе заявил он.

– За козла отвечаешь? – спросил я.

– Отвечаю, – бросил пацан и протянул руку, чтобы отобрать оружие. – У тебя пушка чем заряжена, пистонами?

– Жетонами, – я нажал на спуск.

Отдача едва не свалила меня с ног, тем боле, что держался на них я не ахти как. Я прынул назад, но всё равно оказался по уши в кровище и в говнище, потому что голова у пацана взорвалась, словно в ней лежала небольшая граната. При продаже револьвера Костик не наврал: в теле человека крупнокалиберная экспансивная пуля действительно творит чудеса. Башню у парня сорвало напрочь. От неё остался небольшой огрызок черепной коробки, а всё, что росло выше глаз, унеслось вдоль проспекта, гонимое ударом свинцовой лепёшки. Тулово, нелепо взмахнув поднятыми руками, грохнулось на асфальт, обильно заливая его кровью, хлещущей из разорванных магистральных сосудов.

Ужас что делается! Хорошо, что самая оживлённая часть дороги осталась позади. Здесь и фонари не горели. Мимо прошмыгнули три-четыре машины, но вряд ли кто запомнил мои номера. Невзирая на синее состояние, я вполне оценил масштабы содеянного и теперь спешил убраться подальше. Доносить на меня, конечно, никто не будет, народ нынче жизнью учёный, знает, что с милицией только свяжись – сам же крайним и окажешься. Но испытывать судьбу не стоило.

Швырнув в бардачок забрызганный кровью револьвер, я врубил передачу и газанул, ухитрившись объехать раскинутые ножницами ноги. В неверном свете фар мне показалось, что раскинутые пальцы покойного настойчиво продолжают гнуться в «козу». Прыгая на ямах, я добрался до перекрёстка и повернул на Светлановский проспект.

Долгий путь по проспекту изрядно утомил меня. Не пугали даже гаишники, которых, к счастью, не оказалось. Я устал следить за дорогой. Казалось, что она летит под меня, а не я качусь по ней. Впечатление было такое, будто сидишь за штурвалом детского игрового автомата. Дважды, на перекрёстках с Северным и Тихорецким, передо мной проскальзывали блестящие иномарки, но я целеустремлённо давил на педаль, приказав себе ни в коем случае не останавливаться. Реальность наполовину исчезла, я догадывался, что это с перепою, и понимал: нужно затаиться, пересидеть этот период, пока всё снова не придёт в норму. Но ждать я предпочитал дома и потому отчаянно рвался туда.

Как я ни таращился, а въезд во двор пропустил. Пришлось разворачиваться посреди дороги, пугая встречных водителей, и ехать обратно. Одно утешало: теперь вместо левого предстояло выполнить правый поворот, что было несоизмеримо легче. Во дворе я сориентировался, наметил четкий маршрут движения и на всякий случай облюбовал кратчайший путь к дому – по газонам. Мужественно врубив первую передачу, я выполз на полном приводе, у парадной успел тормознуть, заглушил двигатель и понял, что доехал.

Триумфальный восторг заглушала усталость и внезапно навалившаяся дурнота. Я упал на липкую баранку и почувствовал, как проваливаюсь в сон. Нет уж! Я оттолкнулся, нашарил ручку и распахнул дверцу. Свежий воздух развеял сонливость. Я попытался поднять стекло, но оказалось, что оно и так поднято. Это хорошо. Я запер машину и поплёлся к дому, щурясь от яркого света фар. Уже в парадном я вспомнил, что их следовало бы выключить. Пересилив себя, вернулся, открыл машину, погасил фонари, постоял немного, вспоминая, не забыл ли чего, потом опять закрыл дверцу и отправился домой. Маринка, наверное, с ума сойдёт. Надо было и её к Славе взять. Хотя лучше не надо. Ну, сейчас разозлится.

Предвкушая вспышку гнева, я решил умиловить жену, не заставляя бегать открывать дверь, а достал ключи и отпёр замок сам. По моему мнению, это должно было немного загладить мою вину.

Маринка ждала моего появления в прихожей. Вероятно, я слишком долго возился с ключами. По её лицу я попытался угадать, что она скажет, но перед глазами всё расплывалось.

– Привет, – выговорил я, максимально аккуратно извлекая ключ из скважины.

– Ты весь в крови!

– Это не моя.

– А чья?

– Чувака одного. Со мной всё в порядке.

– Хорошо, что Ксения позвонила, – Маринка несколько успокоилась и тон её стал раздражённым. – Ты что, подрался?

– Э-э... да нет, вроде, – невнятно ответил я.

Ключ, зараза, застрял на полпути, вдобавок, дверь всё время закрывалась. Я вцепился в ручку и налёг на неё всем телом, кое-как зафиксировав ключи на месте. Справившись с этой бедой, повернулся к жене.

– Я очень хорошо доехал, – ловко упредил возможный вопрос и шагнул к Маринке, чтобы обнять, но она отпрянула.

– Ты весь грязный, – брезгливо заметила супруга.

– В самом деле? – я посмотрел вниз, но ничего такого не заметил, однако решил не спорить. Если жена говорит, что грязный, значит так оно и есть. Ей виднее. Лучше умыться, не пререкаясь.

Опершись на стену, я скинул туфли и пошёл в ванную. Включил тёплую воду и долго дрызгался, обтираясь размашистыми движениями. Засунув под кран обе руки, я отмыл как следует рукава и плеснул пригоршню на фейс. В прихожей я снял куртку и повесил на ближайший крюк.

– А так нормально? – спросил я, появляясь на кухне.

– Как сказать, – скептически оценила Марина и добавила. – Только ко мне не подходи, иди спать.

Я пожал плечами и покорно отправился в комнату. Спать так спать. В гостиной, увешанной полихлорвиниловой зеленью, призванной заменять живые цветы, я сел на диванчик и прикрыл глаза. Телу было сыро и неудобно. Я глубоко вздохнул и лёг. Тут же появилось ощущение стремительного полёта вниз, к горлу подступила тошнота и я торопливо открыл глаза. Поганое чувство исчезло. Я осторожно смежил веки. Падение на сей раз замедлилось, потом пошло по синусоиде: вверх, вниз, опять вверх; я словно раскачивался на качелях. Хорошо хоть пропала тошнота.

* * *

Утро я встретил с больной головой и глубочайшим раскаянием в душе. Скорчившись в эмбриональной позе и пялясь в ослепительное окно, я дико мучался от жажды, воскрешая в памяти вчерашние события. Дурацкие разговоры о бересте. Лекции какие-то читал, красуясь своей учёностью. Зачем так напиваться! Ко Ксении чуть было не начал приставать. Ой, блин, как жаль, что я не ушёл на две рюмки раньше! На фига вообще после длительного воздержания я опять пошёл по синей трассе?

Я застонал и обнаружил себя лежащим на диванчике в гостиной, да ещё одетым. Маринка, вероятно, спала в супружеской постели. Я попытался различить её дыхание, но не услышал. Ноги совсем замёрзли. Неудивительно, я ведь всю ночь пролежал в таком виде. Вот это уже совсем ни к чему. Пьянки пьянками, но так опуститься, чтобы дрыхнуть отдельно от жены, мне пока не доводилось. Впрочем, всё когда-то делается в первый раз. «В первый раз в первый класс». «Один раз – не пидорас»... Ну вот уж нет! Неужели я деградировал до такой стадии, когда меня прогоняет жена?

Становиться конченным алкоголиком не хотелось. Как бы там ни было, существуют определённые границы приличия, которые я, видимо, вчера перешёл. Чего же я такого натворил, что Маринка отправила меня спать в другую комнату? Разгадка пока лежала где-то за пределами моей экстраполяции. Определённо, не в моих правилах общаться с женой таким хамским образом, чтобы... А каким, собственно, образом я с ней общался? Хоть бы деталь какую-нибудь вспомнить, дабы вытянуть за этот хвостик остальные события. Увы, алкогольная амнезия!

Вставать отчаянно не хотелось. Вообще-то организм сигнализировал, что мне следует попить воды, да и в туалет не мешало бы сходить, однако воля к преодолению инерции покоя отсутствовала и я продолжал валяться, предпочитая душевную экзекуцию наказанию движением.

Вчерашний день прошёл вроде бы нормально. Я конструктивно пообщался с Гольдбергом и поехал отдавать Славе деньги. Я их хоть отдал? Кажется, отдал... именно их «Фантой» облил. Ну да, мокрые деньги, – помню, так говорил Заратустра... в смысле, Слава; вот проклятая память! Хоть это помню, и то хорошо.

Я облегчённо вздохнул и, сделав неимоверное усилие, перевернулся на спину.

В этом положении мне открылся ещё более непритязательный вид своей внешности. Брюки оказались темнее, чем обычно. Я пощупал, и волосы встали дыбом. Мятый костюм был вроде как влажный. Я испугался. Это-то ещё с чего, неужели дошёл до энуреза? Совсем уже спился. Да нет, не может такого быть. Но тогда, в самом деле, почему костюм мокрый?

Сосредоточившись на тактильных ощущениях, я снова провёл ладонями по штанинам и убедился, что они действительно сырые. Причём, что характерно, на всём протяжении ног, а не только на ляжках, как это получилось бы, обмочись я во сне. Сей факт немного утешил, я расслабился и мысли снова потекли спокойно, пробивая засорившееся русло воспоминаний. В голове вдруг всплыла довольно ясная картинка: не снимая куртки, я брызгаюсь под краном. Отмываюсь, точно! Это была первая светлая мысль за всё утро и она здорово подняла настроение.

От радости я настолько прибодрился, что скинул ноги с дивана и сел. В таком положении не тошнило. Я благосклонно воспринял сей знак и нерешительно потёр ладони о ляжки. Слава Богу, не обгадился! Грязь на правой манжете привлекла внимание. Я недоумённо уставился на руку. Рубашка была украшена размытой коричневой каймой, под ней на коже слиплись волоски. Похоже на кровь. Она-то откуда?! Я тщательно изучил ладони и в складках обнаружил въевшиеся бурые полосы. Их было много, но как они там оказались? Где я мог раздобыть столько крови, чтобы полностью выпачкать кисти? Что характерно, левая манжета была чистой. Следовательно, я замазался, когда оттирался...

Ага, точно, вспомнил я, ведь вчера полоскался в ванной! И тут же пришла другая мысль: полоскался после чего?

Страх заставил сосредоточиться. Я вскочил и пошатнулся, возлияние не замедлило о себе напомнить. Терзаемый нехорошими предчувствиями, я прощандыбал в прихожую и вцепился в куртку, внимательно изучая рукава. Несомненно, они носили следы небрежно замытой крови: темноватые потёки засохли на пропитке длинными неровными линиями там, где вода прошла по ним краем. Ближе к верху, в особенности, на лацканах я отыскал незатёртые брызги и бледные неровные пятна – туда попала вода. Я глянул в зеркало и ужаснулся: рубашка на груди, шея и низ подбородка были обляпаны потрескавшейся чёрно-красной коркой. Твою мать! Откуда?! Я что, вчера Славу замочил???

Едва не спятив, я выскочил из ванной, чтобы позвонить корефану, однако новая деталь, замеченная в прихожей, добила меня окончательно. Картина была что надо: на обоях у входной двери красовался чуть смазанный отпечаток ладони с растопыренными пальцами. Как в фильме ужасов, блин! Ноги буквально подкосились. Я проплёлся на кухню, плюхнулся за стол, налил из графина воды и задумался.

То, что я дошёл до ручки, сомнений не оставляло. Я отчётливо помнил, как уходил от Славы, спускался по лестнице и потрошил аптечку в машине. Затем в памяти возникала лакуна, по окончании которой всплывала сцена преодоления двора по газонам, а далее – недовольная Маринка и отход ко сну в гостиной. Тут я заметил, что мои пальцы мелко трясутся, а сердце аритмично трепыхается в груди. Было сильно не по себе, очень сильно. Преодолевая нарастающее чувство стыда, я медленно вернулся к началу провала. Итак: Слава, Ксения, лестница, аптечка, станция метро «Гражданский проспект», какой-то гопник на красной «семёрке», пистоны, жетоны...

Протяжно застонав, я обхватил руками свою дурную голову. Какой идиотизм! Неужели я кого-то завалил спяну? Ну да, сначала машину стукнул, затем попытался уехать, а когда не получилось, вышел разбираться, в качестве решающего аргумента прихватив с собою револьвер. Вот тоже, синьхуан новорусский! И ведь завалил пацана. А потом гнал домой, чудом не нарвавшись на мусоров и не зацепив навороченную тачку. Можно считать, что мне круто повезло. Пока. Но любое везение имеет свойство кончаться, если оно не подкреплено осмысленными действиями.

И действия начались немедленно. Составив относительно полную картину ночного загула, подстёгиваемый страхом мозг заработал с потрясающей быстротой и ясностью. Я уверенно поднялся и на слабых, но уже не трясущихся ногах прошёл в ванную, где разделся и все шмотки, включая галстук с булавкой, засунул в корзину для белья. Влез под горячий душ и тщательно отщёлся мочалкой. Особое внимание я уделил волосам. Будем надеяться, СПИДа у парня не было.

Убедившись, что вся грязь удалена, я врубил ледяную воду, и как следует взбодрился. Затем старательно вытерся, надел спортивный костюм и спустился к машине. Обошёл «Ниву», старательно дыша полной грудью, и внимательно осмотрел повреждения кузова. Ага, бампер спереди малость помят, да заднее крыло слева царапнуто. Ерунда, устраняется за день. Я заглянул в салон и крикнул. Сучья жизнь! Всё, больше не пью: оплётка на руле была покрыта бурой коростой, чехол переднего сиденья и дверца изнутри – тоже. Ну, с этим всё ясно: чехол снять, оплётку срезать – минутное дело. Я их сегодня и поменяю. Теперь главное.

Я достал из-под сиденья тряпку, которой обычно протирал стёкла, и откинул крышку бардачка, слишком хорошо представляя, что ждёт меня внутри. Тряпка была грязная, но лучше пачкаться в пыли, чем в засохших мозгах и прочей дряни. Я осторожно извлёк револьвер и осмотрел под прикрытием торпеды. М-да, стрелять из такой дуры в упор – значит себя не любить. Газовая струя, образуемая мощным пороховым зарядом, должна была выдувать из раны чёртову уйму крови. Они и выдувала: ствол был не то чтобы забрызган – он был залит содержимым водительской головы, да и барабану досталось немеряно. Я завернул «Удар» в тряпку и отнёс домой. К машине вернулся с полным ведром тёплой воды и флаконом шампуня. Дурная голова ногам покоя не даёт. И рукам тоже. В ходе зачистки следов преступления обнаружилось пятно на чехле правого сиденья. Видимо, опёрся или револьвер положил. Ну да ладно, снявши голову, по волосам не плачут. Чехлы куплю новые. И начну новую жизнь! От интенсивной разминки на свежем воздухе похмельный синдром исчез, а трудотерапия значительно улучшила настроение.

– Если хочешь быть здоров, закаляйся. Позабудь про докторов, водой холодной обливайся, если хочешь быть здоров! – заливался я во весь голос. Говорят, это здорово укрепляет сердце. Пение, в смысле. Что же касается обливаний, то к концу зачистки на мне сухого места не осталось. Срезанная оплётка и передние чехлы были умяты в ведро, а дверная панель и торпеда сияли первозданной чистотой.

– Ка-акой вокал, – послышался за спиной до ужаса знакомый голос. У меня подогнулись колени. От голоса пахло тюрьмой.

Страх был ирреальным – как будто меня приехали брать за убийство. Разумеется, вчерашние стрельбы были тут не при чём, что я осознал мгновением позже, но легавый сейчас ассоциировался только с последним преступлением.

Его-то я меньше всего ожидал увидеть, хотя и частенько вспоминал. Кирилл Владимирович Ласточкин, следователь УБЭП², засадивший меня по сфабрикованному делу, прибыл снова попить моей кровушки.

– Что, Илья Игоревич, боимся? – цинично изогнув тонкие губы, поинтересовался управленческий следак.

Я промолчал, воспользовавшись паузой, чтобы оценить обстановку. Мусорюга явился по мою душу не один. Чуть поодаль тусовалась пара крепких ребят в кожаных куртках, однако, рожи у них были совсем не ментовские. Чем-то они смахивали на бычков, но и к уголовному миру имели самое отдалённое отношение. Уж в этом я разбираюсь. Не были они бойцами криминального фронта, по крайней мере, не того, что у нас принято называть криминалом. Они были молодые, чуть за двадцать, и бритые. Из под завёрнутых джинсов выглядывали сапоги с белой шнуровкой.

– Что вы так испугались? – продолжал куражиться Ласточкин. – Совесть нечиста?

Но запугивать меня было поздно. Зыркнув в последний раз на забитое настоящим криминалом ведро, я овладел собой и улыбнулся в ментовскую харю.

– Господь с вами, Кирилл Владимирович, я чист. Что за привычка возводить напраслину? А вот сзади подкрадываться нехорошо. Меня ведь от неожиданности кондрашка могла хватить. Кто бы потом отвечал?

– Не повестку же всякий раз присылать, – усмехнулся Ласточкин, выделив слово «всякий». – Мимо ехал, думаю, дай загляну.

«Ишь ты, мимо он ехал, – разозлился я. – Обмани прохожего, на себя похожего! Не поленился новый адрес узнать, прописан-то я у мамы.»

– Не оставляете старых знакомых своими заботами? – вслух сказал я.

– Именно, – кивнул Ласточкин. – Времена, знаете ли, трудные. Тут любые знакомые пригодятся.

– Какой же с меня интерес?

– А какой в капиталистическом мире может быть интерес работника силовых органов к нелегальному кладоискателю? – со стороны могло показаться, что мы мирно беседуем.

– Так я же завязал, – расплылся я в самой скабрёзной улыбочке. – С тёмным прошлым покончено, гражданин начальник!

– Так уж и покончено, – в тон мне подстроился Ласточкин, указав на забитую походным снаряжением «Ниву». – А в машине у тебя конфетки-бараночки?

– Палатка, примус, запас продовольствия, – честно признался я, скромно умолчав о наличии металлодетектора. – Вот, на пикник собрался. Разве нельзя?

– Знаю я твой пикник, – посерьёзней Ласточкин, окончательно перейдя на «ты». – Если поискать, то там и лопата найдётся. Ты ей что, суп размешиваешь?

– Извините, – я аж руками развёл, как бы в приступе благородного негодования. Всё равно бы машину обыскивать не позволил. – Правила пожарной безопасности советуют разводить костёр на специально подготовленной земляной площадке. Я закон уважаю, да и природу берегу.

– Зачем вам костёр, если примус есть? – резонно поинтересовался следак.

– Чтобы шашлыки керосином не воняли, – вывернулся я. Фраеров ты, мусор, в другом месте поищи! – Примус взял на случай дождя.

Теперь мы улыбались друг другу прямо как родные братья.

² Управление по борьбе с экономическими преступлениями.

– Когда дело пахнет керосином – это плохо. Очень плохо, Илья Игоревич. А ведь оно пахнет, дело ваше.

– Какое дело? – удивился я. – Которое вы вели, – я укоризненно покачал головой, – Кирилл Владимирович. Русскую поговорку знаете: кто старое помянет, тому глаз вон?

– А кто забудет, тому оба, – закончил неглупый мусор. – Новое дело завести совсем нетрудно.

– Да ну, – бросил я. – Кто же заявку теперь напишет? Стукач-то, Есиков, того... помер.

– За этим дело не станет, – не спасовал легавый. – Ты думаешь, тридцать седьмой год кончился? Нет, тридцать седьмой год совсем не кончился. В нашей стране на любого можно найти компромат, а ты, любезный, по уши в дерьме, и посадить тебя всегда найдётся за что, стоит только копнуть. Ведь ты сам-то копаешь?

Вопрос прозвучал риторически. Скорее всё же утвердительно: мол, копаешь клады, и мы это знаем, потому что сами копаем – под тебя. Любезный. Тут бы я Ласточкина и убил, благо, момент был более чем подходящий, двор пустовал, если бы не бойцы, которыми Кирилл Владимирович весьма осмотрительно подстраховался.

– А что это за ребята с вами? – поспешил я сменить щекотливую тему на, как мне показалось, менее конфликтную. Но выяснилось, что бесконфликтных тем у следователя просто не бывает.

– Эти-то? – оглянулся Ласточкин и бойцы тотчас же приблизились. – Вот, Илья Игоревич хочет познакомиться с вами.

Бычки буравили меня своими зенками. Крайне неприятный взгляд. Сумрачный, испытующий. Нет, не бандиты это, определённо, и не менты. Похожи на матёрых скинхэдов, закалённых, опытных. Где он таких набрал?

– Знакомьтесь, – продолжал следак. – Это Витя, а это Алёша, активисты спортивно-патриотического клуба «Трискелион». А это Потехин Илья Игоревич – археолог, как он себя называет, а, проще говоря, гробокопатель-следопыт.

Ну сволочь, ну гад! Представил, называется. Подставил! Такой подлянки я даже от Ласточкина не ожидал.

– Говорят, ты в могилах роешься? – спросил боец покрупнее и попредставительнее, которого звали Витей. Не ответить было нельзя, но и увильнуть невозможно. Ласточкин, наверное, про меня нарасказывал, готовя к встрече.

– В земле рыться закон не запрещает, – сказал я, досадуя на себя за столь неудачный ответ. Плохо, очень плохо. А что делать, в морду ему бить? В такой ситуации не резон. Бычки накачанные, сами кому хочешь набьют, их трое, а я один. Эх, был бы под рукой револьвер, разворотил бы харю не задумываясь. «Ударом» на удар, так сказать.

– Ты, конечно, можешь рыться в русской земле, – перешёл к делу Витя. – За это ты должен платить патриотам России.

Ах вот оно как повернулось. Ну что ж, в принципе, этого следовало ожидать. Не из пустого же любопытства Ласточкин прибыл меня навестить. Деньги, они всем нужны в наше нелёгкое время. Даже следователю УБЭП, не говоря уж о патриотах.

Ласточкин продолжал улыбаться, наблюдая за потугами нациков взять в оборот археолога. У нормальных бандитов это называется пробивка, но тут нормальными не пахло. С бойцами всё было ясно: доморощенные националисты, их нынче много развелось, на любой вкус. Трискелион – это такая трёхлучевая свастика, явно не случайно приглянувшаяся отечественным любителям родины. Ассоциации прослеживались прямые, а статус «спортивно-патриотический клуб» говорил сам за себя. Что-то типа Русского Национального Единства или Славянского союза. Там тоже немало хорошо подготовленных боевиков, натренированных в спортивных клубах с патриотическим воспитанием. Эх, тоже мне «Общество „Память“ – красная власть; выстрелил в спину и душу долой». Вопрос только, какое отношение к нацистам

имеет следователь Управления по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД Санкт-Петербурга?

– Платить будешь каждый месяц, – вновь подал голос не дождавшийся моего ответа Витя.

– А то что будет, Кирилл Владимирович? – спросил я Ласточкина, демонстративно игнорируя говорящую куклу.

– А сам ты как думаешь? – поинтересовался следак, доставая сигареты. Не иначе расслабился, решив, что бой уже выигран. Ну нет, дружок, это только первый раунд и к тому же он не окончился.

– Нью-ню, и что же будет?

– А что бывает с теми, кто берётся за старое? – Ласточкин глубоко затянулся, прикуривая, и продолжил, не обращая внимания на недовольное сопение проигнорированных патриотов: – Их объявляют рецидивистами и изолируют от общества. А суд куда строже к тем, кто упорно не хочет вставать на путь исправления.

– Больше трёх лет по двести двадцать девятой не положено, – ехидно сощурился я, – а мне и так с первого раза на всю железку накрутили.

– Значит пойдёшь второй раз на весь срок, – невозмутимо заметил следак. – К тому же, одним осквернением могил твой послужной список не ограничивается. Ты уж меня-то не лечи, что чист и завязал с криминалом.

– Был в моей жизни печальный извив судьбы, не отрицаю, – с прохладцей отозвался я. – Но я оступился лишь однажды, и вы это прекрасно знаете.

– Ты всё равно в жопе, любезный, – мусор выпустил дым мне в лицо, – и тоже превосходно это знаешь. Так что придётся платить налог на раскопки, а то патриоты рассердятся.

Патриоты и в самом деле готовы были рассердиться, стоит Ласточкину бровью шевельнуть, но делать этого он покамест не собирался. Я это знал, и знал, что он знает, что я знаю... Такой вот паритет, нарушать который никто из нас не собирался.

Мы сверлили друг друга взглядами, словно проверяли, кто кого пересмотрит, и я спросил:

– Вы-то коим боком здесь, Кирилл Владимирович? Тоже патриот?

Ласточкин смутился, отвёл глаза. Равняться с около политической шпаной ему было неприятно.

– Я здесь, скорее, юридический консультант, – молвил он и щелчком отбросил окурочок. – Ладно, ребята, поехали. Дело сделано, Илья Игоревич предупреждён. Вы ведь поняли всё, Илья Игоревич, – он снова поднял на меня глаза. – Патриотам надо платить, если хотите безнаказанно рыться в родной земле.

– Вы теперь всех раскопщиков данью обкладываете?

– Без исключения.

– И какова цена индульгенции?

– Для тебя триста долларов в месяц. Что ты накопал, я потом посмотрю, – сообщил Ласточкин и повернулся к бойцам. – Идите в машину.

Активисты немного потоптались для солидности, но всё же пошкандыбали к притулившейся под аркой чёрной «Волге» тридцать первой модели. Неплохо они там примостились, сразу не разглядеть.

Выждав, когда маргиналы удалятся, Ласточкин наставительно предупредил:

– Вот с ними не надо шутить. *Это*, – выделил он, – серьёзно. Вполне вероятно, что именно они – опора будущего политического строя России. С ними лучше дружить.

– Опора, – повторил я. – Вы сами-то в это верите, Кирилл Владимирович?

В ответ на сочувственный тон Ласточкин пристально посмотрел мне в глаза. Казалось, он смотрит в самую душу. Я понял, что это момент откровения. На лице мента проступила усталость и покорность судьбе.

– С ними лучше дружить, – негромко проговорил он. – Нам всем лучше. До свидания, Илья Игоревич.

Ласточкин резко отвернулся и быстро зашагал к машине.

– Прощайте, Кирилл Владимирович, – сказал я ему в спину. К повторным свиданиям сердце у меня не лежало.

Подвывая мотором, «Волга» скользнула мимо меня. Сдавать задом и маневрировать сидевший за рулём Алёша то ли не умел, то ли не вдруг почему-то не пожелал. А может быть хотели кому-то меня показать: я успел заметить ещё одного человека, сидящего сзади с Ласточкиным. Наклонив голову, Кирилл Владимирович ему что-то говорил. Проводив тачку взглядом, я запомнил номер: Е 676 тт. Такой не забудешь. Тэ-тэ, как много в этом звуке для сердца моего слилось!

В прихожей я поставил под вешалку криминальное ведро и направился в комнату, стаскивая по дороге влажный спортивный костюм. Удивительно, но после разговора самочувствие значительно улучшилось. Нервная встряска – замечательное средство от похмелья!

– Доброе утро, милый, – промурлыкала Маринка, высовывая нос из-под одеяла.

Я поцеловал её и полез в шкаф, чтобы достать дежурные джинсы. Маринка не дулась после вчерашнего. С души камень упал. Пока я облачался в чудо турецкой лёгкой промышленности табачного цвета, супруга успела рассмотреть меня и, вероятно, удивиться моему необычайно бодрому виду. Она ничего не знала о волшебной методике доктора Ласточкина. Лечение патриотами несомненно пошло мне на пользу.

– Что так смотришь? – спросил я, застёгивая пуговицу.

– Нет, ничего, – с лёгким недоумением отозвалась жена. – Помню, какой ты вчера ввалился.

– Был хорош, – туманно заметил я.

– Тебе напиваться нельзя, – сказала Марина.

– Ладно, проехали, – отмахнулся я. – Вставай лучше, завтрак готовь.

Маринка вздохнула, однако поднялась и пошла на кухню. Я же сел за письменный стол, положил перед собой лист бумаги и ручку. В голове вертелось множество планов на сегодняшний день, которые в сложившейся ситуации требовалось осуществить с максимальной оперативностью. Во-первых, ликвидировать содержимое ведра. Целесообразнее раскидать по помойкам вдали от дома. Сделать это можно по дороге на авторынок. Во-вторых, избавиться от оружия и, по возможности, приобрести новое. В-третьих: заняться проработкой гольдберговского проекта в свете разговора с Ласточкиным.

Последний пункт меня малость озадачивал. Разумеется, в нашей стране все коммерсанты вынуждены иметь «крышу», даже те, кто ведёт дела легально. Мне до поры до времени удавалось избегать бандюгов, но, похоже, халява кончилась. Сегодня состоялась пробивка – приехали, выяснили, что надо мной никого нет, и назвали свои условия. Ласточкин, гад, разумеется выяснил заранее всю подноготную. Не исключено, что информацию обо мне слил кто-то из моих же клиентов-коллекционеров, друзей-товарищей, бывших у Ласточкина на крючке. Что же за «Трискелион» такой? Спортивно-патриотический клуб... Словосочетание «спортивный клуб» ассоциировалось с уставленным тренажёрами залом и потными качками, громящими железом. Нечто подобное там наверняка присутствует, иначе откуда бы взяться всяким Витям-Алёшам, бычкам-качкам. Это понятно. Но вот термин «патриотический»...

Я задумчиво потёр переносицу. Для меня патриотическое воспитание тесно связывалось с Великой Отечественной войной и стрельбой из малокалиберной винтовки на уроках НВП. В школе я долгое время был председателем военно-патриотического сектора и даже имел ключ от комнаты Боевой славы, где на усыпанных песком стеллажах экспонировались пустые ржавые летучки, пулемётные ленты, диски, стволы и каски, большей частью откопанные мною на Невском пятаке и Синявинских высотах. В комнате наш сектор проводил экскурсии по всяким

милитаристским праздникам, а то и вовсе в будние дни вместо урока истории. Такой был в мои годы патриотизм. А что означает это слово теперь? Да и какой именно патриотизм: приверженность идеалам коммунизма, монархизма, империализма? «Трискелион»... Вот названьице. В нём проглядывают идеалы Третьего рейха. Я почему-то привык, что скинхэды – это подростки, которые от безделья ошиваются по футбольным матчам и при удобном случае не прочь разбить морду лица кавказской национальности. Так оно и было когда-то, а теперь ребятки подросли. Взрослые почти люди. Общественное движение создали. Они там что-то о России говорили, но индуистский значок возможно при большом желании увязать и с языческими культами Древней Руси, да и православный крест может запросто изогнуться свастикой, в данном случае – трискелионом. Так что, вперёд в прошлое, качая железо?

Как бы там ни было, патриотизм оставался тесно связан со стрельбой из винтовки, вернее, теперь уже из автомата. В применении к моей ничтожной и брэнной телесной оболочке патриотическое движение несло плачевный исход. Общеизвестно, что политизированные фанатики хуже любых бандитов. Хотя бы потому, что великие идеи начисто отсушивают мозги, которых по молодости лет и так немного. Налетать же на пулю от разобиженного откатом отморозка крайне не хотелось. Наверное, на такой вывод и рассчитывал Ласточкин, приводя на встречу активистов клуба.

Я посидел, уставившись на чистый лист, затем взял ручку и аккуратно вывел: «К.В.Ласточкин – пидор!» Нехитрый приём малость успокоил, по крайней мере, исчезла злость. Правда, осталось раздражение. Уж его-то нельзя было сублимировать ничем, его можно было только изжить.

– Кто хотел есть? – позвала Маринка.

Я порвал записку, тщательно перемешал клочки, скомкал и направился на кухню. Кровавый отпечаток на стене словно магнитом притягивал взгляд. Я поковырял пятно ногтем. Въелось. Надо было моющиеся обои купить! Придётся вырезать этот кусок и вклеить новый. Ничего не поделаешь, за глупости надо платить, причём, платить своевременно, чтобы потом не пришлось расплачиваться.

Маринка ждала меня за столом. Я швырнул бумажки в мусорное ведро, вымыл руки и присоединился к жене. Завтракали молча.

– Ты сегодня дома или поедешь? – прозорливо спросила она, ставя в раковину тарелки.

– Уеду. Буду занят весь день.

Маринка пустила воду. Я заглянул в прихожую, достал из куртки пресс долларов и положил на кухонный стол.

– Вот, дорогая, совсем забыл, – мягко, словно извиняясь, сказал я.

– Весьма кстати, – оживилась супруга и чмокнула меня в щёку. Любовь у нас. Любовь к деньгам. Одна, но пламенная страсть. «Она как червь во мне жила, изгрызла душу и сожгла». По опыту я твёрдо знал, что задобрить Маринку могли только деньги. Желательно, зелёные и побольше. По этой причине несколько лет назад нищий археолог оказался не у дел. Впрочем, когда всё имеет свою цену и ты знаешь её, жить с людьми становится несравненно легче.

– Ладно, дорогая, я поехал, – выдернув из пачки сантиметр бумажек с портретом Бенджамина Франклина, я направился к выходу.

Кровавый отпечаток я размазал мокрой тряпкой до состояния мутного бесформенного пятна и на этом успокоился. Будет время, займусь обоями, а пока хватит и такого результата. Я спустился в машину и поставил перед правым сиденьем ведро с криминалом. Спустя минут двадцать, чехлы и оплётка упокоились в мусорных бачках, а я притормозил у телефонного автомата. Надо было позвонить оружейному дилеру. У Кости я всегда покупал железо, недавно приобрёл для Славы спрингфилдовский «кольт 1911». Корефан любил классику и не скупился на понт.

– Привет, Костик, это Потехин беспокоит, – я был рад, что всё идёт по плану.

- А-а, привет, – хрипло ответил Константин, словно бы спросонок.
- Ты что, только встал?
- Вроде того. Ты по делу?
- Ага.
- Подъезжай. Ты где сейчас находишься?
- У себя. Буду минут через сорок, устроит?
- Вполне.
- О'кей.

Бывший сотрудник Санкт-Петербургской таможни жил в четырёхкомнатной квартире на Петроградской стороне. Хата, впрочем, так и оставалась расселённой коммуналкой – отделать её Костик не сумел за недостатком средств, поэтому казалось, что из пустых комнат должны вот-вот появиться призраки соседей. Службу свою Костик потерял вследствие ошибки мелких уголовников, однако именно несчастный случай уберёг от тотальной чистки таможни, в результате которой масса коллег угодила в Кресты.

Хлебная должность в аэропорту Пулково-2 в кратчайшие сроки позволила Косте приобрести жильё на улице Дыбенко. Правобережная сторона к тому времени уже начала заселяться алкашами и наркоманами, среди которых было немало сидевших. Будучи человеком неконфликтным, Костик со шпаной не связывался и всё было бы хорошо, не пошей таможня своим сотрудникам форму, покроем и цветом здорово напоминавшую омовский прикид. Обносить её Костя не успел. Как-то, войдя в парадное, он почувствовал, что ему в бочину пару раз воткнулось нечто острое. Мусоров шпана не любила. От окончательной расправы уберегла нашивка, которую нападавшие успели вовремя рассмотреть. «Ты уж извини, братан, – виновато сказали оползавшему по стене Костику, – ошибочка вышла. Ты погоди, мы сейчас скорую помощь вызовем». И действительно вызвали. Впрочем, правую почку пришлось удалить – пики у «братанов» были грязные и началось заражение.

Немного оклемавшись, квартиру эту Костя продал от греха подальше и переехал в коммуналку, которую начал потихоньку расселять. Из таможни, в которой началась кадровая чистка, уволился и занялся частным бизнесом, промышляя где только можно, налогов, естественно, не платя. Ему я продавал кое-что из своих находок, а покупал в основном оружие. За ним-то я и приехал.

Длинный коридор был в три яруса уставлен гробами. Они глянцево блестели белыми, чёрными и коричневыми боками, выглядели очень уютными и стоили, вероятно, бешеные деньги. Тусклая лампочка, свисавшая на голом шнуре, озаряла это великолепие сумрачным похоронным светом.

– Да ты никак ритуальными услугами занялся? – я с удивлением осмотрел домашний погост.

– Не совсем. Тут одно похоронное бюро обанкротилось, – объяснил Костик. – Пока имущество не отобрали, решили вывезти поскорее.

Он гостеприимно откинул крышку смахивающего на лимузин последнего пристанища. В отсвете погребальной лампочки одутловатое Костино лицо напоминало рожу вурдалака.

– Смотри какой мягкий.

Гроб изнутри был обит атласом. Белоснежная подушечка так и манила преклонить голову. Я похлопал по домовине.

– Добротный, хоть сейчас ложись.

– Желаешь купить? – воодушевился Костя. – Могу уступить с большой скидкой, чисто по знакомству.

– А тапочки прилагаются?

– Тапочки достану, не проблема.

– Красивая штуковина, – гроб и в самом деле был комфортным. – Штатовский?

– Ты что, наши делают, – хмыкнул Костя, – для «новых русских»! Братки, знаешь, как их берут? Нарасхват!

– Ну, это клиент постоянный.

Костя опустил крышку и повёл меня в жилую комнату.

– А вот ещё, смотри, – постучал он костяшками пальцев по стеклу последнего гроба, – пуленепробиваемое.

Я посмотрел. Окошечко и в самом деле было затянуто каким-то полупрозрачным стеклом.

– Многослойный триплекс, – похвастался Костя. – Пять сантиметров толщина!

– Возможно и куплю, – сдался я. – Бронированный гроб мне позарез нужен. Я у тебя одну штуковину хотел приобрести.

Мы зашли в комнату. Костя достал из серванта коньяк. При виде алкоголя меня передёгнуло.

– За рулём, – поспешно заявил я.

Костя убрал бутылку обратно.

– Я зачем пришёл-то: ствол нужен. Чё почём у тебя?

– Макарка есть старый и тэ-тэ в смазке.

– Давай лучше тэ-тэ, я к ним привык.

– Тонна.

– Не вопрос! И патронов пару пачек.

– Патроны есть, старые, чехословацкие, для пэ-пэ-ша.

– В чём разница?

– Бьют сильнее, в них пороховая навеска больше. Выстрел громче, отдача резче, пуля пробивает сильнее. Я сам не стрелял, пацаны рассказывали.

– Ладно, давай что есть. Мне не в тир, отдача не замучает.

– Четыре сотни, – сказал Костик.

– Когда? – я отсчитал требуемую сумму.

– Давай через час около зоопарка.

– Годится.

Я вышел из дома и забрался в «Ниву». Костя в квартире оружия не хранил, а если и хранил, то не хотел, чтобы прознали клиенты. Час времени надо было как-то убить и я решил сделать это в обществе милых и ласковых друзей. Не людей, разумеется. Доехал до зоопарка, купил билет и отправился в путь по песчаной дорожке. На душе стало легко и спокойно. Никаких последствий вчерашнего возлияния не ощущалось. Шокотерапия вкупе с плотным завтраком дала поразительный эффект.

У открытого вольера с муравьедом я задержался надолго. Посмотрел, как зверь лакает из таза густое розоватое пойло длинным, похожим на тонкую серую змею языком. Голова у муравьеда была удивительно узкой, непонятно даже, где у него помещается мозг. Рот был совсем крошечный, пища не всегда просачивалась в него и животное с фырканьем сплёвывало обратно в тазик. Иногда муравьед задирал попеременно передние лапы, словно приветствуя зрителей.

Народу для середины рабочего дня в зверинце оказалось необычайно много. Дети с мамашами встречались, кстати, редко. Основной контингент посетителей составляли молодые коротко стриженные ребята со своими тёлками. Они сновали от клетки к клетке, громко смеялись и щёлкали «мыльницами» всё подряд.

Муравьед продолжал лакать, периодически салютуя лапами. Я обратил внимание, что на газончике среди травки протоптаны дорожки от будки к пню, от пня за будку и кольцом вокруг неё. Муравьед подтвердил мои предположения, закончив трапезу. Прополоскал пасть в ведёрке и отправился на прогулку, следуя трусцой по выверенному маршруту, разма-

хивая широким, похожим на флаг хвостом. С тропинки он не сходил. Зрелище было жутковатое. Казалось, зверь осознаёт своё бедственное положение и старается сохранить спортивную форму в надежде на освобождение. Я вспомнил, как сам нарезал восьмёрки по тюремному двору – из угла в угол, по диагонали, чтобы сделать больше шагов.

Мне сделалось не по себе и я отправился к птицам.

Дабы отвлечься от арестантских кошмаров, я постарался переключиться на Гольдберговскую тему. Шагая вдоль вольеров с токующими глухарями, суесящимися дроздами, поползнями и свиристелями, я размышлял о предстоящей экспедиции. Теперь уже было ясно, что поеду. Другой вопрос, с кем и на каких условиях. Человеческий фактор в таких делах – вещь немаловажная. На Славу я мог рассчитывать целиком и полностью, а вот другой предполагаемый участник похода – двоюродный брат Давида Яковлевича – Вадик требовал повышенного внимания. Вадик был человек особенный. С ним-то и следовало пообщаться до окончательного разговора с Гольдбергом. Вадик был утончённой натурой и его следовало прокачать ненавязчиво, заехав под каким-нибудь благовидным предлогом. С Гольдберговским братальником я был немного знаком и ведал о его увлечениях: револьверы и бабочки.

Ненавязчиво... ненавязчиво! Я с облегчением вздохнул и поцокал распушившему хвост глухарю. Птица немедленно запрокинула голову и отозвалась пощёлкиванием. Глухарю, как и мне, было скучно, и каждый из нас развлекался. Я подмигнул птице. Решение сложной задачи было найдено. Коли Вадик так любит револьверы, то он получит в коллекцию ещё один. У меня весьма кстати образовался подходящий экземпляр. Вместо того, чтобы выбрасывать «Удар», я его пристрою в хорошие руки. Пусть напоследок послужит. Стрелять из него Гольдберг-младший не станет, посему волына пролежит в шкафу до скончания веков и ни в какой милиции не засветится. Нехай вчерашний инцидент с пацаном останется для всех тайной. Да здравствует глухарь!³

Я посмотрел на часы. До встречи с Костиком оставалось минут сорок; зверей ещё можно было обозревать и обозревать.

– Здравствуй, Илья!

Я оглянулся. Мир тесен. Ирка, молодая мамаша из пролетарской семьи, с которой я имел удовольствие близко пообщаться прошлым летом, держала за руку свою трёхлетнюю дочь Соньку.

– Привет! – изобразил я на лице светлую радость.

– Ты что тут делаешь?

– Гуляю, – простецким тоном ответил я и улыбнулся.

– Один? – удивилась Ира.

– Один. Савсэм адын.

Тон тифлисского кинто сделал своё дело. Ира, привыкшая видеть меня в компании жены, нам миг растерялась, но скоренько сориентировалась и стала само обаяние. Это она умела.

– Ну вот, – сказала она, – живём в одном дворе, а встретились лишь в зоопарке. Так ты здесь один?

Догадаться, какие выводы о моей семейной жизни делает Ира, было нетрудно, но не объяснять же, что я жду торговца оружием. Впрочем, наплевать, что она думает. Пришёл убивать время, так делай это с радостью.

– Совершенно один, – скорчил я умильную гримасу Соньке.

Та недоверчиво глянула на меня. На ребёнка я хорошего впечатления не производил, чего нельзя было сказать о мамаше. Последнюю как магнитом притягивало наличие в моём кармане толстого кошелька. По причине бедственного материального положения сей аргумент был для неё решающим.

³ Нераскрытое преступление (милиц. жаргон)

– Пойдём на пони покатаемся, – то ли предложила, то ли спросила она то ли у меня, то ли у дочки.

– Пойдём, – согласился я, поскольку Сонька молчала.

Покуда девушка в грязных брезентовых штанах возила отпрыска на своей замызганной животине, Ира успела залезть мне в душу и обосноваться там с присущим ей талантом. Однако же рассчитывать ей можно было только на поездку домой. Ничем иным помочь в её нелёгкой жизни я не мог.

– Подожди тут, я минут через пятнадцать приду, – глянул я на циферблат.

– Ты куда? – забеспокоилась Ира.

– Приспичило посетить некое заведение, – успокоил я барышню, заподозрившую, что кавалер таким образом надумал скрыться. Ничего, потерпит, не вести же с собой. То-то Костик зашугается...

Костя переминался с ноги на ногу у «Нивы», помахивая кошёлкой. Мы залезли в машину и я получил увесистый бумажный пакет с чем-то угловатым.

– «Токарев» с запасной обоймой и шомполом, – негромко сказал Костя.

– Молодца, – одобрил я. – Ты бы ещё кобуру в комплект положил.

– Что, надо?

– Обойдусь, не на парад, – хмыкнул я.

Мы скрепили сделку рукопожатием и разошлись, каждый в свою сторону.

Ирка ждала меня у вольера с верблюдом. Он линял и напоминал косматую шерстяную гору неправильной формы. По причине скудной кормёжки горбы у него были совсем крохотные, отчего он более смахивал на дромадёра с пачки «Кэмел», нежели на полноценного двугорбого корабля пустыни.

– Всё в порядке? – убедилась Ирка в чистоте моих намерений. Я не покинул бедную даму, а если и задержался, то минут на пять, не более.

– Разумеется, – заверил я.

Ира расплылась в улыбке. Верблюд с отсутствующим видом сосал железную верхушку ограды, уставясь в пространство маленькими гноящимися глазками.

– Домой поедем?

– Поехали, – Ира обернулась, ища ребёнка. – Сонька, иди сюда.

Когда мы разместились в «Ниве», Ирка оглядела сваленное сзади снаряжение.

– В поход собираешься?

– Угадала, – я запустил двигатель. «Мамай в поход собрался...» Доберусь я когда-нибудь до капища или нет? Вечно какие-то ничтожные делишки встают на пути благородной науки. Пора отринуть меркантильные интересы и заняться бескорыстным трудом! Я усмехнулся и мы поехали.

– Что смеёшься? – спросила Ира. Сонька сидела у неё на коленях и с любопытством глядела в окно.

– Да так, о своём.

– Один поедешь?

Я кивнул.

– Скучно не будет? Может меня с собой возьмёшь?

Я покосился на неё и задавил лыбу. Ирка сразу сделала невинное лицо.

– А что такого? Я бы тебе готовила.

– Спасибо, – ответил я. – Но я сам неплохо готовлю.

– Знаю, – вздохнула Ира. – Тебе в походе скучно не бывает?

– Никогда, – соврал я. – И не только в походе, а вообще по жизни.

– А мне бывает, – призналась Ирка и добавила, помолчав: – Без тебя.

Я сделал вид, будто пропустил её слова мимо ушей. Не хватало мне ещё признания в любви. Понимаю, что без мужика нелегко, а в наше непростое время тяжело вдвойне, но я на роль приёмного отца для Соньки не годился.

– Если я куда-то еду один, то не из-за отсутствия компании, – с деланным безразличием отозвался я, решив отныне пресекать подобные попытки в зародыше.

– Очень жаль, – печально сказала Ирка.

Больше она заговорить со мной не пыталась и лишь когда мы заехали во двор, выходя из машины, произнесла:

– Мне очень тебя не хватает.

Я развёл руками и сделал морду кирпичом.

– Жизнь тяжела, – изрёк я заготовленную фразу, – но к счастью коротка.

Ира ничего не сказала и побрела к своему парадному, неся Соньку на руках. Я тихо крикнул. Тоже мне Чио-Чио-Сан! Определённо, надо рвать на раскопки, подальше от этой мелодрамы. «А я сяду в кабриолет и уеду куда-нибудь». Надо, надо сматываться, к чёрту! Вот ещё урок: не заводи подруг вблизи жилья. Хотя, что уж теперь говорить. *Stultus est qui facta infecta facere verbis cupias.*⁴

* * *

В квартире было сумрачно и душно, пахло гнилыми экзотическими цветами. По комнате порхали бабочки. Я сидел в глубоком обволакивающем кресле, из обветшалых подлокотников которого свисали длинные пёстрые нитки. Я лениво перебирал их пальцами, наблюдая за Вадиком, даже во время разговора не отвлекавшимся от работы. Был он неряха, неженка и кривляка, но обладал определённым шармом. На любителя. Я к нему был благорасположен.

– Мы условились только, что я поеду с вами, а подробности Давид предложил обсудить позже.

– О каких же условиях шла речь? – как бы невзначай полюбопытствовал я, окидывая взглядом комнату. Она напоминала мастерскую закройщика. На большом столе у стены висели горкой рулоны ткани, валялись многочисленные обрезки, фанерки, планочки и длинные портновские ножницы. Другую комнату занимал инсектарий – стеклянные ящики, в которых словно диковинные плоды вызревали бабочки, совершая внутри куколок таинственные метаморфозы.

– Я помогаю тебе и участвую в экспедиции... как Гольдберг.

– Ясненько, – заключил я.

Фамильное самоуважение этой семейки не смогли уничтожить даже семьдесят лет большевизма. Оно даже выросло и окрепло за эти годы, поскольку основной бизнес Гольдбергов – торговля антиквариатом – только развился. Ну надо же, представитель!

Представитель сидел под тусклой настольной лампой и соорудил стендик с каким-то хитрым названием для своих любимых насекомых. Собственно, стендик должен был в ближайшее время стать миниатюрной Голгофой – Вадик промышлял составлением коллекций. Бабочки, приколотые к пробковой основе, а также орнаменты из крылышек неплохо расходились среди гоняющихся за модой нуворишей.

По образованию Вадик был энтомологом – профессия в дичайших экономических условиях России вроде бы полностью лишённая перспективы, но если подойти к проблеме творчески, не столь безнадёжная. Брату Давида Яковлевича удалось занять свою нишу и прочно в ней обосноваться. Во всяком случае, недостатка в заказах Вадик не испытывал. Парочка знакомых дизайнеров, оформляющих квартиры богатых людей, исправно снабжала его работой.

⁴ Глуп тот, кто словами хочет перечеркнуть дурные дела (лат.)

Вкус у Вадика имелся, цветовая гамма чешуекрылых его набора была потрясающе красивой. Снабжение (по его рассказам) налажено было на совесть: некоторые виды выращивал сам, а совершенно недоступных красавиц получал контрабандой. Один из таких редких экземпляров лежал передо мною в бумажном конверте, помещённом в ящичек палисандрового дерева с выдвижной крышкой. Да Вадик и сам был яркой, нетривиальной личностью, подстать своим питомцам.

– Так что ты мне принёс? – вкрадчиво осведомился нетривиальный экземпляр Гольдберга, давая понять, что пора переходить от слов к делу.

Главной причиной моего посещения он считал не разговор об экспедиции, а натуральный обмен, практикуемый нами с первого дня знакомства. Интерес был обоюдный. Я собирал библиотеку, а Вадик – оружие, преимущественно, револьверы.

Вычищенный «Удар» лежал у меня в кармане. Я решил избавиться от мокрой волыны и вообще подзавязать с железом. ТТ, которым обзавёлся на всякий случай, упокоился в домашнем тайнике, а для самозащиты я носил светошочковый фонарь.

– Калибр двенадцать и три десятых миллиметра, – принялся хвалить я свой товар. – Разработка конструкторского бюро института Точного машиностроения по специальному заказу министерства Внутренних дел!

– Недурно, мой сладкий. Где ты таким обзавёлся? – глянул на меня большими чувственными глазами Вадик, грациозно откидывая барабан. Револьвер был заряжен. Поскольку у настоящего коллекционера экспонаты должны быть в порядке, я укомплектовал У-94С пятью жёстко соединёнными в обойму патронами. Остальные выкинул от греха подальше, чтобы Вадика не вздумалось пострелять и засветить ненароком оружие.

– Места знать надо, дружок.

– Ну тогда огонь, беспощадный огонь. Бамм! – прицелился в стену Вадик и вскинул ствол, будто от отдачи. – Он сильно лягается?

– Сильно.

– Ну тогда не буду даже пробовать. Пускай себе лежит.

– Думаю, тебе понравится, – сказал я. – Кстати, на кого ты своих бабочек оставишь, когда с нами поедешь?

– Донна присмотрит, – не без тени ревности отозвался Вадик.

Видно было, что чешуекрылые оставались самым болезненным вопросом. Конечно, ведь за бабочками нужно ухаживать, тщательно поддерживать необходимую температуру и влажность, чтобы они не замёрзли или не поросли грибком в инсектариях, вовремя кормить их... не знаю, чем уж он их там кормит. Словом, задача для квалифицированного специалиста. А тут их придётся предоставить на неопределённый срок заботам Донны Марковны. Чувствовалось, что бабочек своих Вадик прямо с кровью отрывает от сердца. Но отправиться в экспедицию намерен твёрдо. Это меня обнадеживало. Если человек ради общего дела готов пожертвовать любимыми зверьками, на него можно положиться.

Кроме того, такая уверенность в успехе заставляет предполагать, что там, куда мы едем, действительно есть ради чего рисковать.

– На что меняем? – с жадностью спросил Вадик. Чувствовалось, что за эту игрушку он многое готов отдать.

– На твоего Достоевского, – как можно небрежнее ответил я. – Ты его всё равно не читаешь.

Роскошная библиотека, вместе с двухкомнатной квартирой преподнесённая вадиковским дедом своему непутёвому сыну-геологу, давно вызывала у меня чёрную зависть. Но после того, как у нынешнего её владельца обнаружилась страсть к барабанному оружию, зависть изменила цвет на белую, а старинные тома принялись перекочёвывать в моё владение.

– На Достоевского? – скорбно покосился Вадик на книжный шкаф.

Сей дубовый монстр дореволюционной работы был сотворён для вмещения ровной череды строгих тёмных корешков, но наш энтомолог и тут сумел похоронить семейные традиции. На верхних полках ещё что-то гармонировало с благородной чернотой морёного дерева, а ниже всеми цветами радуги легкомысленно переливались глянцевые обложки справочников, каталогов и периодических изданий, посвящённых объекту первой и вечной любви. Это был классический случай, когда вещи рассказывали о жизни своих хозяев. Чем больше убавлялось литературы художественной и философской, тем больше становилось научной. Бабочки стремительно завладевали пространством шкафа. Я решил немного подтолкнуть неизбежный процесс деградации Гольдберговской библиотеки.

– И ты ещё сомневаешься! – воскликнул я. – Это же раритет. Спецзаказ МВД. Очень ограниченная партия. Скоро станет редкостью, как первая партия «Тульских Токарева»!

– Шут с тобой, – капризно отмахнулся Вадик, – забирай Фёдора... как его там... Пока я не передумал.

Пока он припоминал отчество классика, я сгрузил в сумку увесистые зелёные тома с багровым обрезом. Четвёртое издание выпуска 1891 года вряд ли стоило дороже «Удара», но бартер есть бартер. Я отдал револьвер, который целый день жёг мне руки, и получил взамен полное собрание сочинений Фёдора Михайловича. Мы расстались вполне удовлетворённые сделкой, а я – ещё и выводами относительно состава экспедиции.

* * *

– Ну как, Илья Игоревич, приняли решение?

Я улыбнулся и подмигнул проходившей мимо Маринке. Звонок Ласточкина не застал меня врасплох. Я даже рад был, что мент появился, так не терпелось его отшить.

– Господь с вами, Кирилл Владимирович, – состроил я трубке скорбную мину.

– Продолжаете упорствовать? – сухо осведомился следователь.

– Какие могут быть у безработного деньги? – посетовал я, делая упор на слово «безработный».

– Зря вы так, любезный, – уронил Ласточкин. – Подумайте ещё раз.

– А толку?

– Чтобы не разочароваться в жизни.

– Вы о тридцать седьмом годе?

– И не только о нём, – туманно пригрозил следователь. – Подумайте, настоятельно рекомендую.

– Прощайте, – сказал я в трубку, из которой уже пиликали короткие гудки.

Вот и побеседовали. Каждый остался при своём мнении, а у меня даже прибавилось уверенности посылать любителей мзды подальше. Не буду я никому платить, поскольку не за что!

Такою вот вольной птицей я слетал на авторынок, купил новый комплект чехлов и в приподнятом настроении возвращался домой. Жизнь – это борьба, господин Ласточкин, и пока что я в ней выхожу победителем.

Зарулив во двор, я припарковался у парадного и стал обряжать седушки. Краем глаза увидел, как парочка крепких молодых людей, потягивавших пиво на детской площадке, оставила бутылки и целеустремлённо зашагала ко мне. Ребятунки были как на подбор: в одинаковых кургузых кожанках, бритые под машинку, и вообще складывалось мнение, будто их отштамповали с одной пресс-формы. В тюрьме таких называют «бицепсами» либо «маргаринами». Они молча приблизились вплотную ко мне. Я даже успел разглядеть, что и рожи у них совершенно однотипные – с набитыми подушками на скулах и мягкими носами-пуговками, только у одного морда была усыпана веснушками. На этом наблюдение закончилось. Совершенно неожиданно перед глазами у меня вспыхнули разноцветные искры, в животе появилось противное ощущение

ние полёта и я как-то внезапно переместился вплотную к «Ниве». Следующий удар из ниоткуда заставил приложиться затылком о приоткрытую дверцу. Пока ориентировался в пространстве, последовал чётко выверенный пинок по печени, я сложился пополам и напоследок огрёб по затылку. Снова мелькнули звёзды, только на сей раз белые, и я встретил лицом недружелюбный асфальт.

Было не то, чтобы больно, а как-то тошнотно. Я лежал ничком, постепенно приходя в себя и ожидая дальнейших действий противника. Несмотря на удары в голову, сознания не потерял и сумел быстро восстановить дыхание. Левую руку, забившуюся под днище машины, я медленно подтягивал к карману.

Бойцы неподвижно стояли, я видел только белые шнурки берцев. Наконец, также молча, маргарины вздёрнули меня за плечи и поставили на ноги. При этом левая рука совершенно случайно попала в нужный карман.

– За что вы меня? – жалобно просипел я, желая хоть на миг отвлечь их внимание. То, что они боксёры и умеют бить точно и незаметно, я отлично убедился и не хотел пострадать снова. – Вам деньги нужны? На, бери.

И я вполне естественным движением вынул светошочковый фонарь.

Неважно, в темноте или при солнечном свете, от яркой вспышки зрительный пигмент родопсин на сетчатке глаза распадается мгновенно, погружая жертву волшебного фонаря в беспросветный мрак. Сам я зажмурился, а когда открыл глаза, то нашёл боксёров застывшими будто в нерешительности. Но я-то знал, что минут на десять-пятнадцать, пока не восстановится зрительный пурпур, ребяташки не опаснее манекена. Они пока не поняли, что случилось, и не скоро врубятся. Тут я им помогу в меру сил. Я проморгался от болтающихся перед глазами оранжевых на сей раз пятен и с удовольствием врезал веснушчатому по сопатке.

Лупил я их долго. А поскольку рукопашным боем не владел, то орудовал извлечённой из-под сиденья монтировкой.

Первым ударом я проломил веснушчатому голову, свалив его с ног, а после занялся напарником, с разворота втерев локтём по переносице. Там глухо чвакнуло. Я примерился и пнул маргарина по печени, но тот лишь отшагнул. Будучи в шоке, боли он не чувствовал. Перекрестив его наискось монтировкой, я под хруст ключиц отправил спортсмена на покой и приступил к исследованию болевых мест пегого уродца, который начал стонать. Удар железной по башке он перенёс на удивление легко, видимо, отшибать там было нечего. Я оттянул его пару раз по почкам и со сладостным упоением впечатал истинно футбольные пенальти по печени. Аж пальцы загудели! Мои внутренности при резких движениях напоминали о себе, так что я разозлился и одним пенальти не ограничился. Педали у «Нивы» были тугие и ботинки я подбирал специально с толстой и твёрдой подмёткой. Ими-то я и превратил туловище веснушчатого в отбивную. Только когда он стал судорожно рыгать и плевать кровью, я прекратил избиение.

– Что, сделали меня, маргарины хреновы? – рыкнул я безрукому, который наконец-то прозрел и даже кое-что соображал. По крайней мере, в глазах у него колыхался густой звериный страх, а это уже достижение. – Наехать решили, да? – я дёрнул его за грудки, вызвав на окровавленном лице гримасу боли. – Передай своим старшим, что в следующий раз сломаю все кости. Вообще все, ты понял? На носилки вас будут с земли лопатами соскребать!

Не дождавшись ответа, я оттолкнул теперь уже бывшего боксёра, закрыл машину и помчался домой.

– Господи! – ахнула Маринка, когда я ворвался в квартиру и торопливо ткнул кнопку АОНа, вызывая список входящих номеров.

Надо было передать Ласточкину, что разговор состоялся. Пусть забирает своих быков, пока мясо не протухло. Не хватало только, чтобы их отправили в больницу, где будут задавать много наводящих вопросов. Бойцы хотя и постараются молчать, но в полумёртвом состоянии

кто-нибудь да проговорится, а мне только новых заморочек с ментами не хватает. В интересах самого Ласточкина будет оперативно удалить облажавшихся игроков с поля.

– Илья! – Маринка испуганно заглянула мне в лицо. – У тебя кровь идёт. Что случилось?

– Подрался, – лаконично ответил я. Список звонков разочаровал: номер, с которого говорил следак, не определился. Судя по времени, звонил он с работы, хотя у этих товарищей даже на домашних линиях блокираторы стоят. На всякий случай я схватил записную книжку. Ласточкин, Ласточкин... Где тут «Л»? Телефон Кирилла Владимировича отыскался на следующей странице. Логично: «М» – мусор. Я спешно набрал номер.

– Слушаю, Ласточкин, – долгожданный голос, даже преисполненный скукой, звучал как прекрасная музыка.

– Кирилл Владимирович, узнали?

– Да, – встрепенулся тот.

– У моего дома лежит результат нашего разговора. Забирайте его скорей. И запомните, я не передумал.

Ласточкин бросил трубку.

Я с облегчением вздохнул. Пушай помечется. Очень надеюсь, что он немедленно свяжется с клубом и оттуда приедет дежурная бригада. Имеется же у них кто-нибудь на подхвате. Я надеялся, что таковые имеются.

– Я опять в историю влип, – сообщил я Маринке. – Собирай быстро вещи, я закину тебя к родителям или на дачу.

– А ты сам где будешь? – привыкшая к заморочкам жена сумела взять себя в руки.

– В лес уеду.

– Тогда я с тобой, – Маринка была настоящей кладоискательской супругой.

Через полчаса мы уже мчались в сторону Московского шоссе. Конечно, можно было не гнать лошадей, убить бы меня всё равно не успели – когда мы вышли во двор, там ещё валялись бычьи туши, – но и попадать под горячую руку бойцам «Трискелиона» радости мало. Я решил отсидеться недельку-другую за городом. Гольдберг подождёт.

– Что ты опять учудил? – спросила Маринка.

– Есть такое понятие «оголтелый патриотизм», – от ветерка из открытой форточки саднило поцарапанный лоб и вспухшую скулу. – Сегодня я ему слегка противостоял.

– И?..

– Результат на лице.

– С тобой не соскучишься, – укоризненно сказала Маринка.

3

«Каждому – своё», – так говорил Заратустра.

Я сидел у костра, помешивая прутиком толстую шапку кофейной гущи. Разумеется, молотый кофе в котелке – редкий изврат, но если можно сварить, я никогда не променяю его на растворимый. И уж наверняка не откажусь от чашечки кофе, когда появляется такая возможность. Едкие клубы дыма от наваленных на огонь зелёных веток отгоняли эскадрильи полосатых лесных комаров. Вот уже неделю я проводил раскопки на берегу реки Сосницы и был ужасно доволен результатом.

Обретение счастья есть понятие весьма относительное. В большинстве случаев оно не зависит от внешних факторов и напрямую связано с предрасположенностью человека к определённому роду занятий. Вряд ли тот же Вадик пришёл бы в восторг, получив в подарок картину Филонова, а его двоюродный братец – от созерцания мохнатой гусеницы или твёрдой рогатой куколки, внутри которой, как я уже заметил раньше, происходят таинственные метаморфозы. И сомневаюсь, что оба Гольдберга, перемазавшись землёй и пожив неделю в палатке, смогли бы разделить мою радость. А я был обрадован и совершенно счастлив.

Ничто так не лечит душу, как удачные раскопки при хорошей погоде! А мне, надо сказать, везло, причём везло с потрясающей периодичностью. Найти по берестяной грамоте давно забытое капище – случай беспрецедентный. Можно считать, уникальный. Так мой кумир Шлиман откопал Трою, пользуясь текстами Гомера, однако, это заняло более пяти лет. Мне же, чтобы выйти на клад Онкифа Посника, потребовалось менее пяти дней! Ну, крут я или не крут!

Основав на даче, где поселил Маринку, базу, я направился в район селища Сосни и начал исследовать окрестности в направлении речки. Капище должно было стоять у воды. Разумеется, гулял я не налегке, а с фишеровским металлодетектором в руках. «Джеммини-3» представлял собой два плоских блока излучателя и приёмника, укрепленных на концах металлической штанги. Излучатель посылал в почву радиосигнал на частоте 81,92 килогерца и генерировал более-менее устойчивое электромагнитное поле. Когда в его пределы попадал металлический предмет, то проводимость создавала производное поле, нарушавшее контур первичного. Искание фиксировалось приёмником, который посылал через наушники звуковой сигнал.

Использование металлодетектора сильно облегчило работу и ускорило поиск кладов, благо, я знал, что ищу. Котел с шестьюдесятью килограммами серебра – артефакт солидный, поэтому я не обращал внимания на мелкие попискивания, хотя пару раз вставал на лопату, чтобы откопать полную ржавых банок туристическую помойку и неизвестно как попавшую в эти края неразорвавшуюся летучку от полкового миномёта. Наконец, я набрёл на небольшую полянку километрах в трёх от селища и метрах в ста от реки, где умный прибор стал издавать пронзительный визг. Погуляв по поляне кругами, я отыскал место, где сигнал был наиболее мощным и разбил здесь лагерь. Местечко было самое подходящее для выполнения языческих обрядов. Поляну обступал густой ельник, создававший мрачную, но торжественную атмосферу, как раз для древних ритуалов. Здесь действительно верилось, что можно общаться с лесными духами и даже называть их богами.

Хотя похоронный вид разлапистых елей действовал малость угнетающе, находки в первые же часы работы заставили позабыть всякие предрассудки.

На глубине полуметра, чуть в стороне от участка подземного излучения, я натолкнулся на крупный камень со следами явной обработки. Обкопав его, я понял, что нахожусь на верном пути. Это был тот самый кумир, о котором упоминал Онкиф Посник. Из массивных каменных плеч торчала квадратная голова, кропотливо обработанная резцом неизвестного мастера: глаза, ноздри, губы были вытесаны с большим умением. Стерев землю подошвой, я изучил идола, но определить его породу не сумел. Кем он был, Сварогом, владыкой неба,

или Дажбогом, сыном его, какую стихию представлял, осталось неясным. А может это был Перун – бог грозы и покровитель княжеской дружины. В одном я был уверен: изваяние было очень древним, не исключено, что нездешним. Для Новгородской культуры каменные истуканы вообще-то не свойственны, здесь идолов рубили из дерева. Вполне возможно, что статуи привезли издалека, когда язычество подверглось гонению. Доставили в эту глушь и спрятали, основав для служения жреческий посёлок. Долгая и тщательная обработка гранита свидетельствовала о наличии какого-то особого ритуала. Поэтому, вероятно, и сохранилось капище, несмотря на строгие порядки христианской Руси.

С удвоенной энергией я заработал лопатой, снимая пласт на уровне первой находки. Вскоре истёртый штык моей достославной лопаты, верной спутницы всех раскопок со времён студенческой практики, снова скрежетнул по камню. Через час я стал обладателем ещё двух идолов и теперь чётко прослеживалось их расположение: по кругу, в центре которого металлодетектор издавал наиболее сильный сигнал. Кладоискательство – занятие увлекательное, и я не заметил, как наступили сумерки. Просто рыл себе и рыл, бурча под нос по поводу плохой видимости. А потом вдруг обратил внимание на то, что совсем стемнело.

Так закончился пятый от начала поисковых работ день и первый – раскопчный. Следующие два пролетели вообще незаметно, но сегодня утром я почувствовал, что надо сделать перерыв. Раздул огонь и стал варить кофе, наметив посидеть, подумать и принять решение.

Когда гуща поднялась над краем, я снял котелок с костра и дал немного отстояться. Затем размешал прутиком подсохшую шапку и манящий аромат свежесваренного кофе облагородил капище. Я наполнил кружку и стал прихлёбывать, от наслаждения прижмурил глаза. Замечательно! Даже ядовитый дым костра, обволакивающий меня густыми белыми клубами, не портил удовольствия. От него тоже была польза. Он хоть и заставил прослезиться, зато комаров прогнал начисто. Их назойливый писк вызывал дикое раздражение. Репеллент иссяк сегодня утром, на исходе рабочей недели, и спастись можно было только костром. Чёрные пятна по краю отвала свидетельствовали о тщетных попытках затопить дымом раскоп – безветренная погода не позволяла добиться желаемого результата. Я стал подумывать о возвращении на базу, чтобы пополнить запасы продовольствия и, если понадобится, сгонять в Новгород за одеколоном «Гвоздика». Купить «ДЭТу» в окрестных магазинчиках я даже не надеялся. Словом, если бы не комары, ощущение счастья было бы полным.

Закончив кофейничать, я свернул лагерь и вскоре выруливал на полноприводном везе-ходе между деревьями. За ельником вдоль берега Сосницы тянулись заливные луга, по которым свободно можно было выехать на дорогу. Если иметь два ведущих моста, разумеется.

Большие Ручьи, где размещалась дача Маринкиных родителей, на поверку оказались маленькой деревенькой десятка в два домов. Это было к лучшему: меньше народа – больше кислорода. И действительно, отдых в Больших Ручьях был гораздо приятнее, нежели в Малой Вишере или каком ином крупном населённом пункте.

Маринку, к своему неприятному удивлению, я застал в слезах. Причина оказалась донельзя малопривлекательной: в деревне побывали цыгане. Пока супруга спорила с тремя из них во дворе, из дома исчезли все наличные деньги.

– Давно это случилось? – сама по себе проблема была несложной, но для её разрешения требовались исключительно оперативные методы.

– Около часу, – вздохнула Маринка.

Значит успеваю.

– Скоро буду, – заверил я и бросился к машине.

Табор я обнаружил по дороге к реке. Пёструю стаю было трудно не заметить даже издали. Когда я обогнал их по обочине, подняв тучу пыли, цыгане засуетились, но убежать всё равно не смогли – подавляющее большинство составляли дородные матроны под пятьдесят лет. Да, впрочем, чёрт разберёт их возраст, дикари старятся быстро. Было в стаде голов двенадцать:

восемь взрослых и четыре молоденьких цыганочки, одна с ребёнком за спиной. Я остановил машину и выпрыгнул им навстречу, недружелюбно улыбаясь:

– Хай, ромалэ, фак ю селф!

– Эй, парень, ты чего? – обратилась ко мне пожилая цыганка в платке с совершенно невообразимым узором, бывшая, видимо, старшей в этом таборе. – Какие мы тебе «ромалэ»? Ромалэ – это мужчины...

– Слышь, ты мне зубы не заговаривай, – перебил я. – Где деньги?

Цыганки разом загалдели. Казалось, одна мысль о том, что их, почтенных женщин, могут заподозрить в воровстве, была для них совершенно невыносимой.

– Брось-ка ты, молодой, какие деньги, я тебя не знаю и в первый раз вижу тебя, – нахально усмехнулась старшая.

Видела она меня действительно впервые и я понимал абсурдность ситуации, но вдруг понял, что меня уговаривают, и постарался не поддаваться гипнозу. Кстати, цыганка действительно могла не понимать, о каких деньгах идёт речь, поскольку обчистили не меня одного. Но, скорее всего, отлично понимала, да ещё при этом издевалась, продолжая что-то говорить монотонным внушающим речетативом. Я стряхнул наваждение и разозлился.

– Ты мне на мозги не капай, – заорал я. – Всё ты знаешь!

Гвалт поднялся неимоверный. Старшая же только скалилась. Проявление бурных эмоций было ей не в новинку. Я попытался переорать, но с дюжиной глоток не справился, вдобавок, из толпы на подмогу выскочила смуглая до черноты сорокалетняя дурнушка.

– Что, кровь кипит? – рванула она на себе платье, вываливая вонючие мясистые груди. – На титьки, поддержи!

– К зоофилии не склонен! – рыкнул я и отпрянул к машине.

Цыганки захохотали и повалил на меня толпой, зажимая в тиски. Наглости они были неопишуемой и я, честно говоря, испугался.

Кричать было бесполезно. Ораву обезумевших в порыве взаимовыручки бродяг успокоить не представлялось возможным. Их следовало только бить. Я вдруг совершенно ясно представил, чем грозит малейшее промедление, спокойно повернулся к ним спиной, распахнул багажник и выдернул оттуда лопату.

Избиение я начал с ближайших, чтобы не дать себя схватить. Не дай Бог повалят – загрызут. Ткнув низкорослой цыганке торцом черенка в рыло, я полоснул вдоль черепа второй, раскравянив синий платок, и пырнул остриём в живот «чёрной». Толпа рассыпалась. «Чёрная» согнулась, по-звериному воя, и отшагнула боком, словно пытаясь убежать. Цыганочки помоложе бросились наутёк, вслед за ними припустились четверо пожилых дикарок. Остались я, старшая, да трое раненых, причём, смуглую я отоварил серьёзно – пальцы у неё сделались алыми и меж ними всю текло.

Старшая упала на колени, выхватив из-под юбки пачку купюр.

– На, забирай свои деньги, – с ненавистью выкрикнула она. – Возьми, будь ты проклят!

Я вырвал у неё из руки бабки, машинально отметив, что в пачке немало долларов. Захлопнул багажник и задом ретировался к открытой дверце, скабрёзно улыбаясь.

– На чужой цветок не разевай хоботок, – наставительно произнёс я, не выпуская боевого археологического заступа.

Коленопреклонённая цыганка была страшна: черты лица её заострились, глаза горели демоническим огнём, а губы изрыгали ужасные проклятия на непонятном и отвратительном наречии. Я старался не поворачиваться к ней спиной и, запрыгнув в машину, рванул с прогазовкой – подальше и поскорее. «Нива» вмиг домчала до дома, где меня заждалась Маринка.

– Догнал?

– Слава народу-победителю! – я выгреб из кармана пригоршню банкнот.

– Неужели отнял? – удивилась Маринка.

– А ты как думала?! – обиделся я.

– Как ты с ними справился?

– *Audaces fortuna juvat...*⁵

Маринка смерила меня оценивающим взглядом.

– Ты их там не трогал? – озабоченно спросила она, собирая рассыпавшиеся по столу деньги. – Цыгане мстительные. Потом вернутся и дом подожгут.

– Ерунда, – сказал я, начиная беспокоиться. – Посмотри, все ли деньги?

– Даже больше, – сосчитала Маринка. – Баксы на месте, но много лишних рублей.

– Лишних рублей не бывает, – засмеялся я. – Что ни есть, а все наши. Зря я что ли за ними ездил?

Жена ничего не ответила и ушла на кухню. Я же скинул рабочую одежду и с наслаждением переоделся в чистое, сожалея об отсутствии на даче душа. Никакое купание в реке не заменит полноценной горячей ванны, а баню топить – слишком долгая история. Может быть, в самом деле в город смотаться? Помоюсь заодно.

Навеянная Маринкой тревога в сердце засела прочно. Цыгане действительно любят мстить, одно слово, дикари, а получить серпом по горлу, выбегая ночью из горящего дома, мне решительно не хотелось. Но и в Питер возвращаться пока не стоит – патриоты меня не забыли. Вот попал, из огня да в полымя!

Я молча поужинал, стараясь не волновать жену опрометчивыми репликами, а потом мы вышли на крыльцо, с которого хорошо был виден закат над дымчатой полосой далёкого леса за речкой. Сели на ступеньки, прижавшись друг к другу, и долго смотрели на малиновую полосу, прикрытую синеватыми тучами. Посвежело, с реки потянуло холодным ветром. Я обнял Маринку, чтобы было теплее.

– С тобой я ничего не боюсь, – тихо сказала она.

– Сегодня как сердцем чувал, что надо вернуться, – шепнул я.

– Я знаю, ты меня от всего защитишь.

От всего защищу! А вот кто меня защитит? Приятно, когда в тебя верят, только вот доверие это, увы, беспочвенно. Что я мог сказать жене, не разрушая иллюзии простого бабского счастья? Женщине необходима уверенность в надёжности любимого, но обстоятельства складываются отнюдь не в пользу моей боеспособности. Не сегодня-завтра цыгане могут вернуться, они обязательно отомстят, на этом и кончится наша спокойная жизнь. Что я могу поделать? Да ничего. Смотрать удочки, и все дела. Опять уезжать...

Я печально вздохнул.

– Не грусти, – сказала Маринка. – Устал?

– Есть немного.

– Ты у меня сильный, – я ощутил на шее её горячий поцелуй. – Пошли спать.

Время было ещё детское – десять вечера, но засыпать было необязательно.

– Пошли, – я поднялся и потянул Маринку за собой.

На сердце, между тем, было тяжело. «Могло даже показаться, что всё кончится плохо».

* * *

*Procul negotiis!*⁶ Я сидел на свежеразрытой земле и любовно изучал широченный плоский гранит с выемкой посередине. То был жертвенник, на котором когда-то горели угли и Сварожич, священный огонь, сын неба и брат солнца, пожирал «принос» – подношение славянским богам. Это был именно тот камень, на котором пять веков назад местный «жерц»

⁵ Счастье сопутствует смелым (лат.)

⁶ Прочь неприятности! (лат.)

Онкиф Посник ознаменовал «жъретом», то есть жертвоприношением для умиловления своих кумиров, сокрытие трёхсот пятидесяти рублей серебра. Котёл был закопан точно под булыжником, по форме напоминающим эритроцит. Времена высоких технологий наступали на языческую землю.

Металлодетектор орал как оглашенный и было ясно, что я почти дорылся. Триста пятьдесят рублей. Тех, новгородских рублей! На радостях я твёрдо решил передать берестяную грамоту в отдел древних актов Госархива России. Я успел полюбить её и относился к находке, как к симпатичному живому существу – домашнему зверьку типа кошечки или рыбки – и, соответственно, не хотел причинить ей вреда. Дело в том, что кора при высыхании имеет свойство усаживаться и трескаться в силу неоднородности структуры. А у скрученной в трубку грамоты усадка внешнего слоя оказывается существеннее, чем у внутреннего. Поэтому, если её на сухом воздухе передержать, восстановить потом будет гораздо сложнее. Так что своевременное знакомство с лабораторией консервации и реставрации документов Российской академии наук завещанию Посника явно не повредит.

Ощутив на шее зуд, я привычным движением хлопнул себя ладонью, беззлобно ругнувшись при этом. Ладонь оказалась в крови и я вытер её о камень.

Комары зажрали меня вконец, поскольку репеллент я так и не добыл. Устроив Маринку в пансионате Старой Руссы, где она могла вволю поплескаться в минеральной водичке и отвредить целебной грязи, с чистой совестью отвалил на раскопки. В суматохе одеколон «Гвоздика» оказался позабыт.

Впрочем, комары почти перестали меня доставать. То ли я им приелся, то ли успел незаметно мутировать и стал несъедобен, но кровососы утихомирились. Вчера и сегодня их было не заметно. Может быть сказывался темп работы – кубометров грунта я вывернул столько, что вполне мог претендовать на Стахановский рекорд. Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а я один заменил наверное целый взвод. Труд, однако, впустую не пропал: я отыскал всех восьмерых указанных Посником идолов, а девятым был жертвенник, под которым он ухитрился зарыть сбережения. Камень, конечно, великоват, ворочать его мог человек атлетического сложения. Коренные же новгородцы, ильменьские славяне, преимущественно низкорослы. Ещё одно свидетельство в пользу того, что Онкиф был родом из приезжих. Должно быть, потомок «жерцов», сопровождавших истуканы.

Ну и здоров же он был! Я замучился толкать ломом толстенную круглую плиту. Мужичина ты, простофиля! Навалил сверху жертвенник и решил, что надёжно спрятал. Но от настоящего копателя не спрячешь! Он достанет везде. И никакие моления первобытным богам не спасут, чему свидетельство тысячи разграбленных могильников, начиная от скифских курганов, заканчивая египетскими пирамидами. Раскопщик всюду пролезет. Там, где он побывал, археологу делать нечего. Побывал, разумеется, профессиональный кладоискатель, а не Том Сойер с лопатой.

Пыхтя и отдуваясь, я ворочал глыбу как трактор, пока не сдвинул в сторону. Теперь осталось взять в руки шанцевый инструмент и завладеть сокровищем, но я почувствовал, что надо сделать перерыв. Близился вечер, а я порядочно устал. Торопиться было некуда и перед тем, как превратиться в обладателя трёх с половиной пудов серебра, следовало поужинать.

Костёр разжёл прямо в раскопе. Сложил дрова на жертвеннике и запалил огонь. Это экзотично и символично! Новое поколение выбирает богом Маммону. Находя в попирании языческого пантеона определённое удовольствие, я уселся на ближайшего к очагу истукана, который когда-то был великим властителем душ, и следил за дровами, а когда они прогорели, разложил над угольями прутки с хот-договскими сосисками. Вот так-то, господа Велес, Сварог и Сварожич, клал я на вас... сосиску! Упершись сапогами в жертвенный камень, я переворачивал прутки. Аппетитный сок падал в жар и с шипением возносился к небу облачком ароматного

пара. Новые времена сошли на языческую землю, и новые курения возносит современник во славу собственного чрева!

Насытившись, я вернул земле влагу и взялся за лопату. Черенок, отполированный моими мозолями до благородного тёмного блеска, привычно лёг в ладонь. Я ткнул штык в утрамбованную столетиями землю, дослал его ногой и вывернул первую порцию грунта.

Копал я подозрительно долго, несколько раз наткнулся на корни, но радость была преждевременной. И только углубившись на метр, я приказал себе остановиться.

Что за дела? Я покинул яму, принёс «Джемину» и провёл над раскопом. Прибор издавал протяжный резкий сигнал – клад был здесь. Но тогда я вообще ничего не понимаю! Я снова встал на лопату, посмеиваясь про себя. Малость не дорыл, а паники... Сейчас ещё копну, ну вот-вот должен быть. На этой идее стоит поисковая лихорадка. Рыть можно долго, сутки напролёт, до полного истощения организма, главное, при этом верить, что заветное сокровище только того и ждёт, как попасть тебе в руки.

Штык звякнул по металлу. Я судорожно вздохнул и торопливо заработал заступом. Вот он – клад! Сейчас мне откроется котёл, полный старинных монет!

Но дальше, сколько я не копал, была только земля. Лопата однообразно уходила в податливый грунт и мне на минуту показалось, что я спятил. Да, скрежет был, но не исключено, что я наткнулся на камушек. Настоящее издевательство! Я приостановил работу, с натугой выпрямился и отметил, что зарылся выше пояса.

День был на исходе. Даже не день, скорее, а вечер в самом разгаре. Я так раздухарился, что не заметил, как упали сумерки. Над лесом повисла тишина, не слышно было даже звона комаров. Птицы, и те молчали. Природа отходила ко сну.

Я выбрался из раскопа, извозившись в рыхлой земле, откинул (чтоб не фонила) лопату и потянул свой любимый прибор. Когда он завизжал, я грязно выругался. Несомненно, в земле скрывался металлический предмет, причём, вблизи от поверхности. Это и раздражало. Для чистоты эксперимента я нарезал по площадке спираль, вслушиваясь, как ослабевает в наушниках сигнал. Лишь однажды звук «прыгнул» – когда я прошёл рядом с лопатой. Значит детектор исправен. Но почему тогда врёт основной замер?

Выключив «Джемину», я направился к машине. Хорошая мысль приходит опосля. Этим давно следовало заняться, в самом начале работы. Стандартная процедура по обнаружению в земле твёрдых объектов, которую я всегда проводил, а нынче с появлением хитрого прибора выпустил из виду. Прощупывание – лучший друг следопыта!

«Нива» стояла на опушке, отделённая от поляны густой полосой ельника. Я не боялся оставлять её без присмотра – кому придёт в голову забрести в эдакую глухомань. Да и не у всякого смелости хватит вскрывать чужую машину практически под носом у хозяина. Во всяком случае, пока мои предположения оправдывались.

Достав из багажника тонкий метровый стержень калёной стали на деревянной ручке, я метнулся к раскопу и стал протыкать дно канавы. Вскоре конец щупа ткнулся во что-то твёрдое. Я вытащил проволочину и смерил ширину тёмной полосы. Зонд углубился сантиметров на тридцать, немного не дорыл. Длина штыка лопаты – тридцать сантиметров. Самую малость не достал! «Фишер» не врёт. Я схватил лопату и принялся яростно копать. Уже совсем стемнело, но мне было наплевать. Вот я тебя сейчас! Грунт летел вверх и скатывался с крутого отвала. Однако, сколько я не кидал, ничего жёсткого под лопату не попадалось. Наконец, основательно умывшись потом, я опёрся о черенок и выпрямился. Края ямы теперь доходили до груди. Я упорно что-то не догоняю. Есть зондаж – тридцать сантиметров, а я углубился на все пятьдесят.

Я сгонял в палатку за фонарём и снова принялся тыкать щупом землю. Есть! Я вытащил зонд и замерил глубину проникновения – локоть. Я вбил проволочину ещё несколько раз, по кругу, тщательно замеряя глубину. Она оставалась прежней. Мой локоть до кулака – сантиметров тридцать пять. Примерно столько же было в прошлый раз. Ладно, мы и это стерпим!

Я схватил лопату и принялся ковырять почву. Мокрая рубашка липла к коже. Остервенение прошло, уступив место холодной ярости. Я выкидывал землю наверх, в фиолетовую ночную мглу. Жёлтый круг света от фонаря падал на края канавы. Вот прошла выборка уже на два штыка, а объекта поисков как не было, так и нет.

Я сухо рассмеялся сквозь стиснутые зубы. Вот и со мной такое приключилось. Доводилось много слышать о заговоренных кладах, которые не даются в руки постороннему, но вот, похоже, самому пришлось с этим столкнуться.

Существует несколько различных способов заговорить или заклясть спрятанное сокровище и очень мало – обойти ворожбу. Я всегда считал эту магию образчиком народного фольклора и даже теперь, встретившись с её проявлением, рассматривал как досадную, но и не более того, помеху. Какое мне дело до того, что Онкиф Посник собирался передать сбережения исключительно в руки прямых потомков?! Вообще-то, на клад можно наложить так называемый «зарок», чтобы никто кроме хозяина его не нашёл. В принципе, отыскать сокровище можно любому, кто сумеет выполнить «зарок», но он может означать что угодно, своеобразный магический пароль, который в жизни не разгадаешь.

Положа руку на сердце, я не сомневаюсь в существовании потусторонних сил. Покопав как следует на местах боёв и в старых домах, об этом начинаешь приобретать кое-какие представления, но когда сталкиваешься вплотную, материалистическое мышление по инерции берёт верх.

Я снова включился в работу. Земля полетела в отвал как по конвейеру. Какие там два солдата, к чёрту! Когда под лопатой забелел песок, я окончательно выбился из сил и остановился, тяжело, с надрывом, дыша. Поганая жизнь! Глядя вверх, на чёрное звёздное небо, казалось, что я стою в колодце. Во зарылся, так и надорваться недолго. Определённо, надо спать, а завтра посмотрим. Я поставил фонарь на край раскопа, выкинул лопату и сам выбрался на поверхность. В небе светила полная луна. Я вырубил фонарь и осмотрел площадку. Ночное светило только начинало восходить и, хотя блестело как начищенная серебряная монета, половина поляны оставалась во мраке. На светлой части громоздились мрачными глыбами истуканы, а там, куда ели отбрасывали густую тень, стояла палатка.

Несмотря на то, что с рассветом намечалось продолжение работ, я педантично собрал инструмент. Не люблю, когда вещи разбросаны. Достал спальный мешок, расстелил и улёгся навзничь, созерцая яркие россыпи созвездий. Я здорово вымотался, но, несмотря на усталость, обычно приносившую умиротворение, на душе было беспокойно. Клад, уходящий в глубины земли, был явлением экстраординарным и это не давало покоя. Но было ещё что-то. Я не люблю нештатных ситуаций, если понятие «нештатное» возможно отнести к профессии раскопщика. Да, я убедился, что есть клады с наговором, но как побороть заклятье? Какое ухищрение возможно? Допустим, если объект удаётся достать щупом, стоит попробовать бензиновый бур. Можно попытаться поднять часть монет в коронке. Любопытно, как поведёт себя продырявленный котёл с деньгами?..

С этой мыслью я заснул.

Пробуждение было тягостным, словно я выныривал со дна глубокого мутного омуты. Оно сопровождалось страхом. Ещё ничего не понимая, я лежал, не раскрывая глаз, тревожно вслушивался и делал вид, будто сплю.

Я явственно ощущал присутствие кого-то постороннего. Или посторонних. Нет: чего-то постороннего. Окончательно пробудившись, я уловил слухом и телом тяжеленное: ДУМП! ДУМП! от которого сотрясалась почва.

Я осторожно приоткрыл глаза. На небосводе висели колющие звёзды и сверкала в полную силу взошедшая луна, значит, проспал я не более двух часов. Звуки доносились со стороны головы. Я медленно перекатился на живот, посмотрел и леденящий ужас пронзил до самых пяток.

По залитой жемчужным светом поляне мерно шествовали каменные идолы, выстроившись в правильный круг. Центром служил похожий на эритроцит жертвенник, застывший в торжественном нечеловеческом покое. Отбрасывавшие крошечной черноты тени отвалы вывороченного грунта придавали поляне совершенно неземной вид. На миг мне показалось, что я попал на другую планету или в ту, иную реальность, о которой писал Кастанеда. Да это и была другая реальность – мир языческого леса, где по древнему капищу в первобытном хороводе передвигались ожившие истуканы, боги здешних мест, совершая давно забытые ритуалы. На меня они не обращали внимания.

Не в силах созерцать это жуткое зрелище и желая любыми средствами прекратить его, я заполз в палатку, вытащил из кармашка рюкзака отвоёванную у крестьянской семьи гранату и свёл концы предохранительной чеки. Выдернув проволоку, я выскочил наружу, метнул РГД-5 в круг и бросился на землю.

Хлопок взрыва стегнул по ушам, сверху прошуршали осколки. Я вскочил, совершенно не таясь, от страха готовый на что угодно. Идолы двинулись на меня, раскачиваясь с боку на бок. Я испустил истошный вопль и опрометью кинулся в чащу леса.

Часть 2

Адские врата

4

Лёгкий ветерок ворошил влажные после душа волосы. Я смотрел с балкона и думал, что до земли не так уж далеко. Совсем даже не далеко человеку с сильным характером. Со второго этажа я отчётливо видел каждую травинку; достаточно близко, чтобы спрыгнуть и не повредить ноги. Для смелого человека такой прыжок – пустяк. Земля была близко. Так неужели я не смелый человек?

Я решительно выпрямился и, собрав волю в кулак, скинул тапочки. Надо действовать сразу. Только сейчас или никогда! Если промедлить, в следующий момент может не хватить духу.

И почувствовав, что роковая остановка вот-вот произойдёт, я одним движением перебросил ноги через перила, оттолкнулся и послал тело вниз.

«Зачем я сделал такую глупость?» – мелькнула покаянная мысль, но прыжок был состоявшимся фактом. Полёт оказался недолгим. К счастью, приземлился я в стороне от бетонной дорожки под окнами. Земля больно ударила по сжатым вместе ступням. Хорошо, что прыгать умел и держал ноги подогнутыми. Инерция кинула тело назад, я сел на пятую точку. В общем, всё прошло благополучно. Я опять самоувердился.

Разбудить Маринку оказалось нелегко. Понадобилось долго звонить, прежде чем она соизволила подойти к дверям. Увидеть меня в глазке супруга явно не ожидала.

– Ты откуда явился? – ахнула она, озирая меня с ног до головы; глаза у жены были по пять копеек.

– С улицы, – с ангельской безмятежностью отвечивал я, вторгаясь в прихожую. – Доброе утро, дорогая.

– Как ты там оказался? – вопрос донельзя уместный, ибо мою одежду составляли трусы, местами перепачканные грязью.

– Так... погулять вышел.

– Без ничего? – оторопело произнесла Маринка, взгляд её переместился на гвоздик для ключей. Они были на месте. – Доброе утро, милый, – автоматически добавила она. – Как же ты дверь запер?

– Я в окно выпрыгнул.

На этот раз Маринка не удивилась.

– Что вдруг на тебя нашло? – только и спросила она.

– Да так... получилось.

Я сменил трусы и принялся готовить завтрак. А потом заехал Слава и мы отправились к Гольдбергу. На серой корефановой «Волге», потому что машины у меня уже не было.

В ту страшную ночь леший завёл меня в дремучую чащобу, откуда я выбирался до следующего вечера. В этой глухомани не то что населённых пунктов, дорог-то было не сыскать. Когда, наконец, болотами вышел к берегу Сосницы, мой лагерь остался далеко вверх по течению, но в одиночку сунуться туда я не решился. Почему-то казалось, что идолы спрячутся за деревьями и будут ждать, затаясь, а потом выйдут, окружают и примутся сжимать кольцо, пока не встанут вплотную плечом к плечу сплошной каменной стеной. А что произойдёт дальше и думать не хотелось.

Теперь-то я поверил в магию, а вот в тот злосчастный день, скитаясь в дебрях, я едва не обезумел, пытаюсь найти правдоподобное объяснение случившемуся. Какие только версии не перебрал. Дошёл до того, что приписал увиденное воздействию галлюциногенного газа, пробившегося из песчаного слоя со дна раскопа. И думал даже, что блуждания мои по лесу только кажущиеся, а на самом деле я лежу на поляне и вижу кошмарный сон. Или, ещё круче, валяюсь в яме и безостановочно брежу, продолжая вдыхать ядовитый газ. Последняя догадка и в самом деле едва не свела меня с ума, особенно, когда я настойчиво и безрезультатно пытался разбудить себя, чтобы вылезти из отравленной канавы. Кстати, проснуться почти получилось. Но, слава Богу, обошлось.

Спустя пять дней, когда мы со Славой навестили проклятое место, «Нивы» я не обнаружил. Исчезла и палатка со всеми вещами – кто-то там всё же побывал. Из местных, наверное. Оставили одну лопату, не соблазнившись подержанным видом. Кажется, Слава моей истории не поверил, и хотя прямо не сказал, видно было, что она внушает ему изрядные сомнения. Не убедили его даже идолы. Истуканы, кстати, стояли полукругом, словно и не было подземного заточения, и вид у них (во всяком случае, мне так показалось) был очень довольный.

Такие вот симарглы.

После этого случая я перестал быть завзятым материалистом и с атеизмом тоже покончил навсегда. Теперь я верил Онкифу Поснику, честно предупредившему: «Если не останется детей моих, никому нельзя брать котёл, потому что кумиры будут сокровище стеречь и вору, который на него покусится, творить чары». Берестяную грамоту я уже перечитал несчётное количество раз и знал её наизусть. Ну ведь предупреждали дурака! По-хорошему предупреждали. Нет, не послушался. Получается, сам виноват. Человек хотел уберечь свои деньги, а методы... Да что там методы, они у каждого времени свои. Сейфов и сигнализации новгородские язычники не знали, пользовались, чем могли. А если на голове прибавилось седых волос, в этом только моя вина.

И всё же не давала покоя одна мысль. Что было бы, если б там, на болотах, мне удалось разбудить себя?

Впрочем, я никому её не высказывал.

Совещание состоялось в библиотеке, где нас поджидал Вадик. Вероятно, Давид Яковлевич тем самым продемонстрировал более высокую степень доверия. Ранее наши беседы проходили исключительно в гостиной, смежной с прихожей залой. Теперь Гольдберг устроил заседание в приличествующем истинным джентльменам помещении. Или ему было непристойно держать родственника в гостиной, кто знает? Библиотека у Давида Яковлевича была внушительной, как, впрочем, всё в его квартире. Наверное, это очень удобно – разместить библиотеку в отдельной комнате! Я, например, не мог позволить себе такой роскоши и оборудовал стеллажами спальню или, учитывая количество книг, спал в библиотеке.

Когда Донна Марковна принесла нам со Славой кофе и удалилась, Давид Яковлевич осторожно улыбнулся, посмотрел на восседавшего в кресле Вадика, пробежал испытующим взглядом Славу и хитровато глянул на меня. Оценив настроение собравшихся, он скрестил пухлые пальчики у подбородка и начал обстоятельно излагать фамильную историю. Видимо, счёл нужным довериться нам, коли уж решили работать вместе.

Основной бизнес семьи Гольдбергов, успешно пережившей все пертурбации царского, советского и нынешнего строя, составляла торговля антиквариатом. На людях это не афишировалось, для чего существовало прикрытие из какого-нибудь официального занятия. Пращур фамилии Аарон Гольдберг имел скоропечатню на Лиговской в доме 57, его же младший брат Самуил числился там метранпажем, хотя в типографии носа не показывал. Он занимался таманским золотом и прочими древними диковинами, добываемыми местными ухарями из грязевых вулканов. В полиции его знали как скупщика, но за руку поймать не могли. Якшаться с «чёрными археологами» для Гольдбергов было делом родовым и наследственным. В штор-

мовые революционные годы финансовое положение несколько ухудшилось, однако, благодаря изворотливости Моисея Самуиловича, прадеда Давида и Вадика, все члены семейства остались живы и здоровы, даже сохранили некоторые сбережения, позволившие деду – Исааку Моисеевичу – получить патент зубного врача.

Мировая история всегда рождает продувных бестий, которых не могут свалить никакие катаклизмы. Великая Отечественная война стала для Исаака Моисеевича чудесным источником обогащения, из которого, как из рога изобилия, повалили великолепные предметы искусства, ставшие ненужными прежним владельцам, едва вокруг Ленинграда замкнулось кольцо блокады. Капитал Гольдбергов значительно приумножился за девятьсот голодных дней, когда за килограмм крупы можно было выменять золотые часы или шкатулку времён Петра III. Разумеется, сами Гольдберги (благодаря связям Моисея Самуиловича в том, ещё насквозь еврейском, городском руководстве) при этом не бедствовали, а когда Питер был наконец разблокирован, непотопляемое семейство живо вписалось в новые условия натуробмена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.